

ГАЛИНА РОМАНОВА

СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ ЗЛА

Галина Владимировна Романова
Свидетельницы зла
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42563451

Свидетельницы зла: [роман] / Галина Романова: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-101883-2

Аннотация

Ольга, Люся и Кира дружат много лет. В какой же ужас приходит обычно смелая Оля, когда следователь сообщает ей, что Кира мертва! Ее смерть ужасна и загадочна: ее и еще четырех человек застрелили и оставили в сожженном загородном доме. Причем ни к этому дому, ни к другим убитым она никакого отношения не имела...

Постепенно становится понятно, что это дело напрямую связано со страшным преступлением, случившимся много лет назад, – зверским убийством мальчика Артура. Мальчика, который был одноклассником Ольги, Киры и Люси...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Галина Владимировна Романова

Свидетельницы зла

© Романова Г.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Надо было встать и закрыть форточку и не слушать тоскливый звон трущихся друг о друга обледеневших веток. Какой-то умник повадился лить воду с верхних этажей. Прямо из окна. Пару дней это продолжалось. И костлявые ветки клена напротив ее окна на третьем этаже обросли льдом, превратившись в уродливые сосульки. При малейшем дуновении ветра они приходили в движение, издавая отвратительный звук, от которого на душе делалось тошно.

Вчера вечером сверху снова лилось. Она уже хотела подняться и устроить скандал. Остановила соседка Вика из квартиры напротив.

– Это Тамара Вишнякова с восьмого этажа вино выливает у своего мужа алкоголика. Демонстративно! – особой интонацией выделила соседка последнее слово.

– Почему демонстративно?

– Потому что сначала сливает все в ведро. А потом за окно. В назидание! – снова подчеркнула она, необычно повысив голос, и подняла вверх указательный палец. – Для наглядности!

Понять странность поведения жены алкоголика она не могла. Она никогда не была замужем. И не собиралась. Не хотела. Да и не звал никто. Может, потому что не хотела? И это было написано на ней большими буквами? Ее нежела-

ние вести совместное хозяйство с кем бы то ни было угадывалось, и мужчины сторонились ее. То есть, конечно, не совсем сторонились, просто не спешили делать ей предложение. Потому что – что? Правильно. Потому что она этого не хотела.

Именно так думать было очень удобно. Это избавляло от ненужных переживаний и комплексов. Она и не переживала, и не комплексовала. Жила себе спокойно, размеренно. Наслаждалась тишиной в своей отдельной, просторной квартире, подаренной отцом. Утром отправлялась на работу. Вечером возвращалась. Ее никто не провожал. Никто не встречал. Никто не приставал с вопросами: почему она так долго, что случилось с ее машиной, почему она на такси, с чего это она вдруг среди недели посетила ночной клуб? А почему напилась?

Она ни перед кем не отчитывалась. Жила как хотела. И ей это очень, очень, очень нравилось!

– А разве тебе не хочется, Оленька, чтобы о тебе кто-то заботился? – пристала недавно подруга Люсенька – милейшее, нежнейшее создание.

– Нет, – мотнула она тогда головой.

– А чтобы о тебе переживал кто-то? Тоже не хочется?

Голубые глаза Люсеньки наполнились слезками, когда Оля снова отрицательно мотнула головой.

– Но как же так, Оля?! Это же неправильно.

– Не вижу в этом никакой необходимости.

– Но когда-нибудь тебе захочется, непременно захочется, чтобы о тебе кто-то волновался, кто-то думал о тебе.

Две слезинки скатились по белоснежным щечкам Люсеньки. Она была очень слезливой.

– Ты обо мне вспоминаешь? Вспоминаешь. Волнуешься? – Люсенька активно закивала. – Вот. И Кира тоже. Мне этого достаточно.

– Но это же все не то, поверь, Оленька. Мы с Кирочкой твои подруги. Мы волнуемся, думаем о тебе, но иначе. Не так, как мог бы думать о тебе и волноваться близкий тебе человек. Мужчина! Вот мой Алекс...

И начиналось! И Алекс ее такой заботливый. И нежный. И страстный. И щедрый.

Люсенька могла бесконечно долго перечислять достоинства своего возлюбленного. Она же не знала, что ее такой заботливый, нежный, страстный и щедрый Алекс на самом деле законченный, лживый засранец, живущий на деньги своего отца, изменяющий Люсеньке направо и налево и не брезговавший вдохнуть кокаина с крышки унитаза в общественном туалете.

ТЬфу, гадость такая! Они с Кирой несколько раз пытались открыть своей любимой подруге Люсеньке глаза на правду, но тщетно. Люсенька предпочитала слепоту.

– Когда-нибудь, миленькая, от одиночества тебя заглохнет такая тоска, – вещала Люсенька зловещим шепотом, поглаживая ее по плечам, – что тебе захочется броситься в объ-

тия к первому встречному.

Тоска глодала Олю третий день. Но не от одиночества. С этим все было в порядке, ей никто был не нужен. Виной всему была отвратительная симфония, льющаяся сквозь открытую форточку. Обледеневшие ветки терлись друг о друга с унылым стеклянным звоном, выворачивая душу наизнанку. Надо было просто встать и закрыть форточку. И все бы прекратилось. Но вместо этого она продолжала лежать на диване и слушать, как бьются друг о друга сосульки. И придумывать историю страшного семейного быта семьи Вишняковых, проживающих на восьмом этаже. Хотя, если разобраться, не так уж был и страшен их быт, раз вино – судя по запаху, совсем неплохого качества – лилось с восьмого этажа ведрами.

Надо было встать и закрыть форточку и оборвать звуки этого ужасного реквиема. Сходить в душ. Приготовить себе что-нибудь. Съесть хоть что-то, хотя и не хотелось. И потом позвонить подругам. Кажется, уже пора!

Они не созванивались с новогодней ночи. У всех своя жизнь, свои были планы на праздничные выходные. Никто не договаривался ни о чем таком заранее. Люсенька должна была лететь с Алексом куда-то к теплу утром первого января. Еще не вернулась. Иначе уже ворчала бы на ее кухне, лазая по пустым полкам холодильника. Кира собиралась на рождественских каникулах к родителям. А они у нее где-то очень далеко. Должна была набрать, как вернется. Не набра-

ла. Значит, еще не вернулась.

Сегодня был вторник. Последний день выходных, которые для Оли очень затянулись. Ей совершенно нечем было занять себя. И она вопреки установившимся правилам решила позвонить девочкам. Она никогда не звонила им первой. Никогда! А тут решила.

– Аппарат вызываемого абонента... – начал выводить приятный женский голос с Люсенькиного телефона.

Понятно. Еще на отдыхе. Оля не дослушала, оборвала звонок. Набрала Киру. Пошли гудки. Подруга долго не отвечала, а потом вдруг ответила совершенно незнакомым мужским голосом.

– Да! Слушаю! – грубо так, неприятно ответил Оле какой-то мужик с телефона Киры.

– Это я слушаю, – фыркнула она, снова вытягиваясь на диване под шерстяным пледом.

– И что ты слушаешь? – продолжил наглеть незнакомец.

– Слушаю какого-то дядьку, а должна бы слушать свою подругу Киру. Киру Новикову. А? Как объясните? Умыкнули ее телефон, дядя?

– А ты кто? – не меняя интонации, с напором, спросил незнакомец.

– Подруга.

– Это я уже понял. Что за подруга? Имя и фамилия у подруги есть?

Черт, он вел себя как заправский мент! Сам не предста-

вился, а ее допрашивал. Что за парень у Киры? Откуда она его откопала? Сама, интересно, где? В ванной? Телефон была на прикроватной тумбочке – обычное для нее дело – и ушла в ванную. А этот дядя, валяясь на ее простынях, наглет, как, простите, законный супруг. Но его у Киры не было! Точно не было еще десять дней назад!

– А что, не определилась при звонке? – решила его чуть подразнить Оля, прекрасно зная, как именно забита в телефоне у Киры.

– Тут какая-то королева высветилась. Но звонок местный, не из Англии. Так что, будь любезна – королева – представляется.

Дядька тяжело вздохнул. Быстро выдохся. Наверное, возрастной, решила Оля. Кира всегда подбирала каких-то плешивых, разведенных, несчастных пузатиков. Считала, что они после своих «плохих» жен любить ее будут крепче. И оценивать дороже. Но как-то не выходило. Пузатики очень быстро уставали ее любить и ценить и исчезали из Кириной постели.

Этот, видимо, как раз из таких. После непродолжительного диалога уже раздражается. И не вежлив. Она ему – «вы», а он неприлично тыкает.

– Не королева, дядя, а Королёва. Ольга Королёва, – произнесла она со вздохом. – А вы у нас кто? Кира где? В ванной? Позовите!

На последних словах она почти на него прикрикнула. Но

впечатления не произвела. Киру ей не позвали. Вместо этого мужик принялся вдруг вполголоса с кем-то переговариваться. Как будто что-то докладывал кому-то. Она отчетливо слышала обращение: «товарищ майор». И внутри как зануло! Ей почудилось, будто к противной музыке метавшихся под ветром, остекленевших от мороза веток добавился какой-то еще, более неблагозвучный металлический инструмент. Он скрежетал, громыхал, порождал ужас.

– Вы где сейчас находитесь, Ольга Королёва? – спросил ее уже другой, более приятный мужской голос. – В городе?

– Да, да, в городе! В собственной квартире! А в чем, собственно, дело?! Почему вы говорите со мной по очереди с телефона Киры, а ее не зовете?!

– Потому что ваша Кира, вероятнее всего, мертва, – произнес дядька, не тот первый, а уже другой, с более приятным голосом.

– Не мелите вздор! – взвизгнула Оля, вскакивая с дивана и делая три опасных шага вперед.

Конечно, она запуталась в огромном шерстяном пледе, который ей привезла в подарок Люсенька из Шотландии. Запуталась и упала. И выругалась неприлично.

– Эй, вы чего там, Ольга Королёва? Пьяны, что ли? – предположил мужчина со смешком.

– Ничего я не пьяна, в пледе запуталась и упала, – неожиданно призналась она. И что совсем уж было удивительным, продолжила в том же духе. – Пьяна я была три дня назад. О-

о-очень пьяна. Потому и лежу уже три дня, не вставая.

– Ломает? – сочувственно вздохнул тот.

– Ломает, – призналась она.

Села на пол, спиной к стене, обернула ушибленные колени пледом. Схватила свободной от телефона рукой за голову и произнесла:

– Говорите уже... Говорите, что там произошло с Кирой? Что за бред вы несете о ее смерти?

– Это не бред. Это правда. Если, конечно, ее паспортом кто-то не завладел за эти дни, не переклеил фотографию и не выкрал телефон. Предлагаю вам приехать на опознание.

– Опознание? – Оля с силой зажмурилась, трижды ударила головой о стену, повторила слабеющим голосом: – Вы сказали: опознание?

Господи! За прожитые ею двадцать три года это было самым страшным словом в ее жизни. Самым!

Впервые она его услышала, когда им с отцом предложили это сделать с ее матерью десять лет назад. Когда мать разбилась со своим очередным любовником на машине. Не справилась с управлением на скользкой дороге и выехала на встречку. Результат – полное Олино сиротство с тринадцати лет. Нет, отец-то, конечно, остался. И даже не сдал ее в детский дом, хотя угрожал неоднократно. Она вела себя прескверно в те годы. Странно, что в колонию для малолеток не угодила. Еле вырулила потом по жизни к семнадцати годам. Еле-еле...

Потом – шесть лет назад – предложили это сделать с их одноклассником. Почему предложили это сделать именно им, а не взрослым, до сих пор оставалось для нее загадкой. Всех по очереди заставили смотреть на истерзанный труп. Всех! Люсенька потом полгода к психологу ходила, настолько ее потрясло увиденное.

Кира их одноклассницей не была. Но ее тоже заставили взглянуть на тело. Потому что она к тому времени уже год отучилась в колледже, приехав издалека. И успела подружиться с Олей и Люсенькой. Познакомились на дискотеке в клубе. Она так же тяжело пережила процедуру опознания. К психологу не попала по причине отсутствия денежных средств, а так бы точно просиживала в его кабинете, рассказывая о своих страхах и ночных кошмарах. Как Люсенька.

Ольга перенесла визит в морг стойчески. Не разрыдалась, не упала в обморок, не зажала рот рукой. Взглянула. Вдохнула тяжело и произнесла:

– Да, это он...

Почему так? Почему она так спокойно отреагировала?

Этими вопросами потом долго задавался следователь, который вел дело о гибели их одноклассника. Без конца таскал ее на допросы. Поминутно раскладывал ее алиби. Но придаться ни к чему не смог. В момент гибели Артура, так звали парнишку, Олю видели человек десять. И видели в течение пары часов. И она никуда не отлучалась, кроме туалета.

Не вышло у следователя повесить дело о гибели парня на нее. Да и ни на кого путного не вышло повесить. Дело так и осталось нераскрытым. На их взгляд – взгляд одноклассников. Но посадить кого-то у полиции получилось. Суд был, да.

Помнится, следователь как-то сказал ее отцу, что у его дочери не нервы, а стальные канаты. Такой выдержкой и самообладанием не каждый мужик мог похвастаться. То ли хвалил ее за это, то ли порицал, пойдя – пойми.

Следователь не мог знать и даже не догадывался, что отцу Оли было пофиг. Ему вообще на все было пофиг, на нее в том числе. А до этого на Олину мать он забил очень прочно. Потому и металась она, бедолага, из койки в койку, пытаясь реализоваться, как женщина. Оля уже достаточно взрослой была, слышала скандалы, понимала суть. И вывод она сделала для него неутешительный после похорон. Гибель матери была только на его совести. Только он один был виноват в ее преждевременной смерти.

Потому и принялась она ему мстить, превратившись в чудовище. Отец все понимал и терпел. Угрожал, конечно. Урезал денежное пособие. Сажал под замок. И даже пару раз по уху ей съездил. Но вытерпел. И в детский дом не сдал.

Когда Оля стала достаточно взрослой, получила блестящее образование и определилась в профессии, он купил ей эту вот большую квартиру в центре на третьем этаже. И вежливо выпихнул из дома, где у него уже носился выводок из трех пацанов от второго брака. Оля не роптала. Даже была

рада, что так все вышло. Что он ее все же не сдал в детский дом. Помог с университетом, с жильем, ремонтом, обстановкой. И даже теперь, когда она стала прилично зарабатывать, он ежемесячно перечислял ей солидную сумму. И не знал того, что она к его деньгам не прикасалась. Они копились на ее счете, обрастали процентами и превращались в еще более солидную сумму.

– Королёва, вы еще здесь? – окликнул ее по телефону вежливый мужчина.

– Да. Я еще здесь, – хриплым голосом отозвалась она. – Вы в каком звании? Как я могу к вам?...

– Майор Вишняков, – перебил ее вежливый голос.

– Понятно. Так куда ехать-то, майор Вишняков?

Оля оперлась спиной о стену крепче и поползла вверх, разгибая колени. Силы возвращались.

Она выслушала адрес. Очень удивилась, что это далеко за городом. В каком-то дачном поселке, о существовании которого она даже не подозревала. И даже немного повеселела. Это точно Кира профукала свою сумочку с паспортом и телефоном. Вернулась от родителей и в аэропорту прощелкала тот момент, когда ее обокрали. Она могла. Она такая – мягкая, рассудительная, но рассеянная.

– Сколько вам необходимо времени, чтобы добраться? – пристал майор.

– Сорок минут навигатор показывает. – Она уже успела свериться со всеми картами и маршрутами и выбрала самый

короткий.

– Тогда приезжайте прямо сюда. Наши где-то застряли в пробках, будут через полтора часа, не раньше.

– Так точно, товарищ майор, – фыркнула Оля, застегивая пуховик.

Пока разговаривала с майором по громкой связи, она успела надеть спортивный костюм, зимние кроссовки и пуховик. Шапки не требовалось. Она их не носила никогда.

– Да, и еще, гражданка Королёва, будьте аккуратны на дороге. Снег пошел. Не хватало мне еще и с вашим телом возиться... – прозвучало это как-то неоднозначно, он это понял и, смущенно кашлянув, уточнил: – В смысле, с трупом.

– Так точно.

Она криво ухмыльнулась, осматривая в зеркальном отражении входной двери свое тело, с которым майору Вишнякову не хотелось возиться, и вышла из квартиры.

Глава 2

Черные жирные птицы кружили над пожарищем и оглушительно каркали. Как они узнали? Откуда слетелись сюда? Что за паразиты, в самом деле?!

Вишняков болезненно сморщился и тут же почувствовал, как натянулась и заняла глубокая царапина за ухом – последствия разговора с его женой Тамарой. Серьезного разговора. Самого серьезного. Самого последнего. Так сказала Тамара, прежде чем вонзила ногти в его кожу за ухом. Что-то она там точно повредила. Крови было много из царапины. Он перепачкал рубашку, подушку, на которой лежал, полотенце, которым пытался вытереться. Кое-как остановил кровь. Залил перекисью. Залепил ранку пластырем. Вроде зажило. Но болело до сих пор. А прошла уже неделя.

– Это, Вишняков, оттого, что клетки твоей кожи перестали регенерироваться. – авторитетно заявила Тамара, собирая свои вещи по огромным чемоданам. – И сам ты весь...

– Что? – Он равнодушно наблюдал за ее сборами, не пытался остановить.

– И сам ты весь перестал регенерироваться. Перестал, Вишняков. Как-то очень рано умер, хотя продолжаешь дышать.

Фраза ей понравилась, она довольно заулыбалась. «Неприменно теперь вставит в какую-нибудь свою парши-

вую статейку», – подумал он тогда. Тамара грешила напыщенностью фраз. И даже из обычного репортажа могла сложить оду. Ее заставляли переписывать, править. Убеждали в том, что хороший русский язык более понятен обывателю, нежели ее высокопарный слог. Она злилась, называла всех твердолобыми интриганами. И срывала зло на мужа, с которым прожила три года.

– Не прожила, промучилась! – воскликнула она на прощание. – Когда я выходила за тебя замуж, Вишняков, я что думала?

– Что? – неожиданно сделалось ему интересно.

– Что ты станешь моим помощником. Моим соратником. Что мы вместе будем писать репортажи с мест происшествий. Что ты будешь держать меня в курсе всех следственных действий! А что вышло?

Тамара тряхнула головой, посеченные редкие волосы цвета соломы рассыпались по плечам. Вышло не очень красиво и эффектно, как ей бы хотелось. Вишняков не сдержался, фыркнул. Она тут же поняла причину и рассвирепела.

– А вышло, что ты меня динамил! Раз за разом! Раз за разом! То у тебя нет информации, то ты не имеешь права разглашать тайны следствия! То еще какая-нибудь ерунда приходила в твою тупую голову, и ты меня посылал, Вишняков! Три года! – Тамара выставила три пальца. – Три года я потратила на тебя. И никакой благодарности! Все! Я уйду. Вот твои ключи!

Тамара и раньше уходила. Но без вещей и с ключами. Через неделю, остыв, возвращалась. Какое-то время все было относительно мирно и тихо. Потом тишина сменялась Тамариным ворчанием. Ворчание перерастало в скандалы, и она снова уходила.

Но без вещей и с ключами.

Теперь возле двери грудились ее чемоданы, забитые тряпками. И ключи с грохотом были брошены в сторону двери гостиной. Он там смотрел телевизор, сидя в кресле. Вернее, делал вид, что смотрит. На самом деле размышлял.

Хочет ли он, чтобы она осталась? Жалеет ли, что все вышло именно так – плохо? Будет ли ему ее не хватать?

Странно, на все вопросы был один ответ – нет. И в глубине души он даже радовался, что она приняла решение за них обоих. И что сейчас уйдет, и он больше никогда не услышит ее высокого звонкого голоса, не угадает по странному блеску в глазах о ее сомнительных сексуальных желаниях, возникающих спонтанно и обычно не вовремя.

Тамара ушла. Вещи забрала. Ключи оставила. А он просидел в кресле, делая вид, что смотрит телевизор, часа два. А потом пошел прогуляться. Забрел в бар неподалеку и проторчал там до полуночи. И надрался конечно же. Имел право! У него на завтра должен был быть выходной. Законный выходной!

А его выдернули. Подняли утром телефонным звонком, который он еле услышал. Подняли страшным сообщением

о гибели сразу пяти человек. Люди погибли в пожаре. Так сначала доложили. Но потом выяснилось, что все они были расстреляны. Стреляли в затылок. Предположительно из одного и того же оружия. Люди стояли на коленях со связанными за спиной руками. А им стреляли в затылок.

– Жуть! – выпалил подполковник Рябов, приехавший с Вишняковым на его машине на место преступления. – Что скажешь, майор? На что похоже?

– На казнь, – ответил тот противным скрипучим голосом и задрал голову вверх на воронье, кружившее над пожарищем с противным карканьем. – Откуда они только узнают, эти птицы? Ни кладбища поблизости. Ни свалки. Ни гнезд их не видно, а они тут как тут! По селектору им, что ли, кто сообщает?

– Ага, по селектору, майор. – Подполковник Рябов болезненно сморщился. – По селектору это нам сообщат.

– О чем? – рассеянно отозвался Вишняков.

Он наблюдал за ярко-красной точкой, мелькающей между деревьями и постепенно увеличивающейся в размерах. Машина. Ярко-красная машина. Внедорожник. Кто мог на нем приехать? Вероятно, та самая девушка, с которой он чуть больше получаса беседовал по телефону. Ольга Королёва. С какой же скоростью она передвигалась по дороге? После того как он отключил телефон, прошло...

Вишняков специально сверился. Точно. Прошло всего тридцать пять минут. Бестия! Бестия на красном внедорож-

нике. Летела, наверное, как ненормальная, наплевав на все правила. Обгоняла, подрезая. Сворачивала там, где запрещено. И уж точно никаких знаков не видела.

Машина, подпрыгнув на неровной дороге, вильнула в сторону и встала как вкопанная рядом с его заграничным седаном. Недорогим, конечно, но новеньким почти и добротным. Девица выпрыгнула из машины и тут же повела себя довольно странно. Вместо того чтобы пройти к группе лиц, наблюдающей за ней с напряженным вниманием, она присела перед его машиной, махнула перчаткой по номеру и громко выкрикнула:

– Ну, конечно! А как же еще может быть?!

– Что это, майор? Что за мажорка? Откуда она тут? Зачем?

Рябов скорбно сложил тонкие, посиневшие от холода губы. Он одет был очень легко. По-офисному. В тонком полупальто без теплой подкладки, без шапки и в ботинках на тонкой подошве. Мерз уже минут двадцать, но идти в машину, отогреться, отказался.

– Хозяйка дачного дома? – предположил с надеждой подполковник.

– Никак нет, товарищ подполковник. – Рябов рассматривал девицу, двинувшуюся в их сторону вальяжной, расхлябанной походкой. – Это предположительно подруга одной из погибших. Позвонила на один из уцелевших телефонов. Позвала Киру. Паспорт на имя Киры Новиковой тоже уцелел.

Возможно, ею и окажется одна из жертв.

– И ты пригласил эту пигалицу на опознание?! – ахнул Рябов. – Ты тела видел, майор?!

– Видел.

– Да она нам тут сейчас все заблюет к чертовой матери!

– Не думаю, – скривился Вишняков в скорбной улыбке.

Он узнал девицу. Узнал, конечно. Вздорная. Скандальная. Проживает с ним в одном доме, даже в одном подъезде, и постоянно бьется с ним за место на стоянке. Возомнила о себе непонятно что! Решила, что ее большой красной машине должны быть выписаны какие-то непонятные предпочтения. По умолчанию! Раз она большая и красная, и дорогая. Пару раз перекрывала ему проезд, и дверь на его требовательные звонки не открывала. И ему приходилось добираться на работу на такси. Конечно, он мог бы нагнуть наглую девицу. Позвонить гайцам и слить ее номерок, чтобы они девчонку погоняли. Почему-то не стал. Может, зря. А может, и нет.

Сейчас, рассматривая ее очень близко и очень пристально, Вишняков вдруг заметил в ее вздорной самонадеянности какую-то болезненную уязвимость. Незащищенность. Слабину.

– Здравсьте, – поприветствовала она всех с клоунским полупоклоном. – Ольга Королёва собственной персоной. Кто из вас хозяин во-он того седана?

Она махнула рукой в сторону машины, возле которой только что сидела на корточках. Сунула руки в карманы чер-

ных спортивных штанов и по очереди осмотрела присутствующих.

Он тоже ее рассматривал. И признаваться не спешил.

Высокая, худая, коротко стриженные волосы русой копной вьются во все стороны. Лицо узкое, подбородок острый, нос маленький, слегка вздернутый, глаза темные. Точно рассмотреть их цвет Вишнякову не удалось. Длинная челка постоянно сползала ей на глаза, и Королёва сдувала ее, недовольно дергая губами.

Если бы не ее странные кривляния и дерзость, с которой она себя держала, ее запросто можно было бы счесть красавицей. А так...

Подросток. Обиженный на весь белый свет, наглый, избалованный подросток.

– Я хозяин седана, а что хотели, гражданочка?

Вишняков выступил вперед, подходя к ней ближе. Глянул сверху вниз. Он был выше на голову. Его рост смущал многих. Но не ее.

– Вот кто постоянно занимает мое место на парковке возле дома! – вытащив руки из карманов, она шлепнула себя по бедрам. – А я-то думаю: кто, ну кто?!

– А вы его купили, что ли, Ольга Королёва, место это?

– Знаете, да! Оно оплачено. И документ имеется. И надпись на асфальте крупными буквами! – Она нервно прочертила пальцем в воздухе какую-то надпись. – А у вас со зрением, видимо, какие-то проблемы! Как вас там?

– Вишняков. Майор Вишняков. – Он едва заметно кивнул, представляясь. – Вы со мной разговаривали по телефону вашей подруги. И это я вас пригласил опознать тело. Взглянете или и дальше продолжим обсуждать проблему парковочных мест в нашем дворе?

Она сверкнула в его сторону злыми глазами и прикусила губу. Постояла минуту, притопывая снег левой ногой, и кивнула.

– Идемте, где она? – Ольга шагнула мимо него, встала столбом, рассматривая пожарище. – А там осталось... А там от нее хоть что-то осталось?! Я в том смысле, что... Такой пожар. От дома ничего. А от тела... Что-то...

– Тела пострадали мало, – скрипучим голосом вклинился Рябов, подходя ближе к Королёвой.

– Тела?! Вы сказали, тела?!

Ее губы точно задрожали. Вишняков не мог это придумать, он точно видел. Она испугалась. Сильно.

– Да. Я так сказал. – Рябов неожиданно приосанился перед перепуганной девушкой и даже опустил воротник, в котором прятал озябшие уши. – Пять тел, если быть точным. Четверо мужчин. Одна женщина.

– Это не может быть Кира! Не может. – Она покосилась на руку Рябова, которой он взялся за ее локоть и потащил к пожарищу. – Она совершенно точно должна была улететь к родителям. И еще не вернулась. А если вернулась, то у нее наверняка украли сумку в аэропорту. Она такая растяпа!

– Мы сейчас это выясним. Вы убедитесь, что это не она. И спокойно уедете отсюда, – пообещал Рябов, подводя ее к месту, где лежали погибшие, накрытые уцелевшей в огне ветошью. – Вы готовы?

Он остановился возле крайнего тела справа. Из-под мешковины торчали носы грязных от сажи, замшевых женских сапог. Даже цвет угадывался – темно-зеленый, болотный.

– Вы готовы? – Рябов оторвал свою руку от ее локтя, присел, ухватился за край ветоши. – Ольга, вы готовы?

– Погодите! Погодите! – закричала она, ее взгляд остановился на обгоревшей обуви. – А как же паспорт, телефон? Как это все могло уцелеть, если сапоги... Если сапоги обгорели? Ее сапоги...

Рябов с Вишняковым переглянулись. Сомнения почти отпали. Одной из погибших, одной из расстрелянных жертв, была Кира Новикова. Украсть в аэропорту сумку – да, могли. Но вот снять с нее обувь, пока она еще была жива, это вряд ли.

– Все сумочки и пакеты были сложены в террасе. Ее огонь почти не коснулся. Пожарные вовремя приехали, – объяснил Вишняков.

Рябов резким движением сорвал с мертвого тела холстину. Обернулся на Ольгу, сидя на корточках, спросил:

– Она?

Королёва выгнулась дугой, склонившись над погибшей девушкой. Ее руки с трясущимися пальцами странно захо-

дили, словно пытались разогнать воздух над телом мертвой подруги.

– Этого не может быть... – шептала она и шептала. – Этого не может быть... Кира! Зачем ты здесь? Как ты здесь, Кира?!

– Она.

Со вздохом подполковник Рябов вернул мешковину обратно. Выпрямился, вытер руки влажной салфеткой. У него всегда имелся запас в кармане. Взял Королёву за локоть и потащил подальше от страшного места. Странно, но она достаточно быстро пришла в себя. Заплетающиеся поначалу ноги вдруг обрели силу, походка сделалась пружинящей, и от руки Рябова она отделалась метра за два до своей машины.

– Вам нужно будет потом подъехать в отдел, чтобы оформить все, – произнес Рябов, озадаченный такими быстрыми переменами в Королёвой.

– Что оформить? – Она глянула на него холодно, отстраненно.

– Ваши показания.

– Я еще ничего такого вам не сказала, что бы вы могли приобщить к делу.

Ее губы сложились кривой ухмылкой, снова превращая Ольгу в дерзкого избалованного подростка.

– Надеюсь, что скажете. – Ноздри Рябова гневно раздулись, он глянул на Вишнякова. – Майор, займитесь свидетельницей.

И подполковник Рябов ушел встречать группу. Они как

раз подъехали. Вишняков достал блокнот, раскрыл его на чистой странице. Занес над ним авторучку.

– Вы узнали в погибшей вашу подругу Киру Новикову? – задал он дежурный вопрос.

– Да.

– Вас удивило, что она оказалась именно в этом месте?

– Да.

– Почему?

– Потому что, как я уже говорила ранее, она должна была улететь на праздники к своим родителям.

Она отвечала спокойно, без истеричных вздохов или слез. И не сводила взгляда с того места, откуда ее только что привел Рябов.

– Мы, конечно, проверим, но в ее сумочке не было найдено никаких намеков на авиаперелет. – Вишняков глянул на Ольгу исподлобья. – А имелась входная контрамарка в один из ночных клубов, контрамарка трехдневной давности. И скомканный чек из того же клуба.

– Да? – Ольга наморщила лоб. – Что за клуб? Что за чек? Что в нем? Сразу скажу: ее это или нет.

– Клуб «Соломея», в чеке два коктейля «Манхэттен», пиво и...

– И луковые колечки, – закончила за него Ольга, прижимая кончики пальцев к вискам. – Это ее стандартный набор. Она всегда это брала, если посещала клуб.

– И луковые колечки. – с кивком подтвердил Вишняков.

И продолжил записывать. – Стало быть, три дня назад Новикова была в городе.

– Стало быть. – Оля глянула на него сердито. – Но этого не может быть!

– Проверим.

– Этого не может быть, потому что три дня назад в «Соломее» зависала я. И Киры там не было.

– Проверим. – Вишняков насторожился, прикусил кончик авторучки. – А с кем вы там... зависали?

– В смысле?

– Кто может подтвердить, что вы были там три дня назад и не виделись с вашей подругой?

Вишняков поморщился. Приехавшие сотрудники рассредоточились по пожарищу. Растревожили птиц. Отвратительное карканье сделалось еще громче.

– Все, кто был там, могут подтвердить, майор. А я не пойму, – она вставила кулаки в бока, подняла подбородок, резанула по нему взглядом, – вы это куда клоните?! Вы считаете, что это я...

– Да ничего я не считаю, гражданка Королёва, – вздохнул он. – Просто отрабатываю версии, возможных участников, свидетелей. Если вы были там в одно и то же время с вашей подругой, то могли видеть, с кем она там была. С кем пришла. С кем ушла.

– Да не было ее там! Точно не было! Это не такой уж большой клуб, чтобы в нем можно было затеряться. Танцпол че-

ловек на пятьдесят. Двадцать с небольшим столиков, – принялась перечислять Ольга, – освещение вполне себе. Никаких колонн и кабинетов. Не было там Киры.

– А она могла просто не подойти к вам?

– Как это?

– Зашла с кем-то, увидела вас. Вы вроде хвастались, что перебрали там. И она как-то так... В общем, решила не показываться вам на глаза. Могло такое быть?

– Нет. Вряд ли, – добавила она, немного подумав. И возмутилась: – Да с какой стати? С какой стати ей от меня прятаться? Она что, меня пьяную ни разу не видела? Видела. Я не буйная. Я веселая.

– Ну, а если она была с кем-то?

– И что?

– И этот человек, что был с ней, не захотел показываться вам на глаза. Могло такое быть? Подумайте, Ольга, подумайте.

Он что-то еще написал в своем блокноте и остановился в ожидании ее ответа.

– Вы имеете в виду, что ее парень, то есть мужчина, мог не пожелать со мной познакомиться? Вы это имеете в виду?

– Примерно.

– Ой... ну не знаю! – Она прикусила нижнюю губу. – Вообще-то Кира нас со своими мужчинами никогда не знакомила. Что было, то было.

– Почему? – удивленно округлил глаза майор.

– Потому что почти всегда это были разведенные неудачники. Ноющие, требующие сочувствия. Я таких на дух не переношу. Люсенька тоже.

– А Люсенька – это?...

– Это наша третья подруга. Она сейчас со своим парнем за границей. – Оля покосилась на ряд мертвых тел, укрытых мешковиной. И со вздохом добавила: – Должна. Должна быть за границей.

– Полное имя вашей третьей подруги и координаты, пожалуйста, – приготовился записывать Вишняков. – А заодно и ее парня.

Оля продиктовала номер телефона и адрес Люсеньки. Говорить об Алексее отказалась наотрез.

– Все вопросы к Люси! Я его видела три раза, – соврала она. – Но их точно нет в стране. Я звонила ей. Телефон отключен.

– Проверим, – повторил в который раз Вишняков.

– Проверяйте. А мне... Мне-то что делать? – Она широко развела руки, глаза наполнились слезами. – Надо ее родителям сообщить, наверное. Как-то что-то делать. Я не могу!

– Сообщим, не переживайте. И не уезжайте никуда из города. – Он подумал и добавил: – Пожалуйста.

Она отвернулась и пошла к машине. А он зачем-то пошел за ней следом. Чтобы поддержать? Помочь сесть за руль? Да ерунда! Эта Королёва была не из тех, кто вцепится в протянутую руку помощи. Процедуру опознания выдержала, как

не всякий сильный духом мужик выдержит. Крепкий орешек. Очень крепкий орешек – эта Ольга Королёва, выкупившая себе место на стоянке, которое он так неосмотрительно несколько раз занимал.

– Вам чего, майор? – удивленно округлила она глаза, обнаружив его за своей спиной. – Какие-то еще вопросы ко мне имеются?

– Да, но это позже. Когда сможете заехать в отдел, чтобы подписать протокол?

– А когда надо?

Она снова прикусила губу, а он некстати подумал, что ей, возможно, от этого больно. И захотелось тронуть ее за подбородок, чтобы вернуть ее зубки на место.

– Чем быстрее, тем лучше, – тряхнул он головой, отгоняя шальные мысли прочь. – Не затягивайте с визитом.

– Вы их найдете? – Голова опустилась, плечи дрогнули. – Вы их найдете, майор Вишняков?

– Их? Вы считаете, что это не один человек?

– А вы считаете иначе?! – Со злобным фырканьем она уселась за руль, потянула на себя дверь. – Как мог один убийца справиться с группой из пяти человек? Если только...

– Если только что?

Он придержал дверь, не давая ей закрыться. Стало интересно, что она скажет – эта дерзкая красивая девушка, временами напоминавшая избалованную старшеклассницу.

– Если только он не собирал их несколько дней, держал

тут связанными, а потом убил. Всех... Сразу...

Глава 3

Люсенька смотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала. Ее белоснежная нежная кожа покрылась отвратительным бронзовым загаром, местами шелушилась, местами вздулась волдырями. Ее личико напоминало маску. А шикарные рыжие волосы – ее гордость, предмет зависти всех знакомых девочек – сделались сухими и ломкими.

Как она не хотела лететь на этот отдых! Как просила Алекса поменять направление. Выбрать курорт с более умеренным климатом и щадящим солнцем. Видимо, ее доводы оказались не такими убедительными, раз он не сделал так, как она просила. Они изжарились на этом отдыхе, подхватили инфекцию, провалялись в номере почти четыре дня. Ничего не ели и не пили. И часто скандалили.

А еще Люсенька поймала Алекса за ужасным занятием, попыталась остановить его, была изгнана из душевой и проплакала оставшиеся дни отдыха. Плакала она и в самолете при посадке. Расплакалась, когда они выходили из аэропорта. И от этого, разумеется, ее внешность совсем не выиграла. Лицо сделалось совершенно неузнаваемым. Именно поэтому Алекс отказался ехать к ней. Усадил ее в такси, заплатил щедро водителю и сказал, что позвонит вечером.

Вечером он не позвонил. Она решила, что он отсыпается после длительного перелета, и занялась собой. Маски, при-

мочки, кремы, все строго по инструкции, в строгой последовательности. Немного помогло. Кожа лица и шеи немного посветлела. Люсенка даже порадовалась эффекту и спать легла в относительно хорошем настроении. Но утром, когда, не дождавшись звонка от Алекса, она сама ему набрала, настроение ее снова было испорчено. И слезы снова хлынули из глаз, сведя на нет все ее вечерние усилия.

– Люси, я не приеду, – скороговоркой пробормотал Алекс, когда она до него дозвонилась, и странно хихикнул.

– Почему? – Сердце упало в пятки, ей уже знаком был этот смех. – Алекс, ты опять?! Ты же мне обещал!

– Люси, нам надо некоторое время побыть врозь. Понимаешь, я устал.

– От чего? От кого? От меня? Но мы же пара, Алекс!

– Я устал от нашей пары, Люси. Все, пока, пока, позвоню.

Кто бы после этого не расплакался? Так мало этого, Алекс выключил телефон. Она же попыталась перезвонить, как-то объяснить самой. Попросить его объяснить. Так же нельзя – взять и оборвать все на самом пике. Но его телефон был вне зоны.

Она не позавтракала. Снова завалилась в ванну с тремя слоями марли на лице, пропитанной специальным средством по уходу за кожей. Потом осмотрела результат в зеркале и расстроилась. Результата не было. Может, и к лучшему, что Алекс и она пока проживут отдельно. Не нужно ему смотреть на такую уродину, в которую она превратилась. Отсидится

дома дня три-четыре, потом уже можно будет и в люди выйти. Надо будет позвонить девочкам, встретиться, обсудить все. Они так давно не виделись. Целую вечность, кажется.

Неожиданно ее телефон зашелся хриплым голосом любимого Ольгиного шансонье. Надо же! Оля сама позвонила. Небывалый случай. Сегодня же...

Люсенька скосила взгляд на стену, на вечный календарь из слоновой кости – подарок отца Алекса к ее двадцатой годовщине. Ну да, все верно. Сегодня рабочий день. А Оля, когда на работе, не то, что не звонит, на их звонки никогда не отвечает.

– Да, дорогая, привет. С Новым годом! Прости, что не позвонила, как прилетела, – зашебетала Люсенька, не давая подруге рта раскрыть.

– И тебя с Новым годом, Люси, – вздохнула Оля. – Ты дома?

– Да.

– Алекс у тебя?

– Нет, он вышел за продуктами. Собирался еще к родителям заскочить, – принялась врать Люсенька, жутко страдая в глубине души от того, что лжет любимой подруге.

– Вот и хорошо, что его нет, – оборвала ее вранье, а заодно и муки совести Оля. – Я сейчас приеду.

– Куда? – переполошилась Люсенька. – Ко мне?!

– Да. К тебе. Есть серьезный разговор.

– Но сейчас разгар рабочего дня, Оля. Ты же никогда... –

Люсенька замотала головой в разные стороны.

– Из всяких случаев бывают исключения, Люси, – снова перебила ее подруга. – Никому не открывай. Поняла?

– Даже тебе? – попыталась пошутить Люсенька.

– Мне откроешь. Больше никому. Даже Алексу!

– Но что?! Что такое случилось, Оля?!

– Я же сказала, есть серьезный разговор, детка. Все. Жди.

Если она сейчас начнет снова говорить ей гадости об Алексе, то она...

То она, честно, уже не знает, как реагировать! Она ведь сама узнала о нем такое! А Оля и Кира неоднократно делали намеки на то, что Алекс балуется кокаином, но Люсенька предпочитала их не слушать. И когда на отдыхе пару раз заметила в ноздрях любимого белую пыль, то решила, что это от цветочной пыльцы. Алекс любил гулять по саду их отеля. А там все так буйно цвело, что она даже ни о чем таком не подумала.

Но когда вошла в душ и обнаружила Алекса стоящим на коленях перед унитазом... перед унитазом с закрытой крышкой... То все сразу и поняла. И тут же вспомнила девочек. Как они пытались открыть ей глаза на правду. И от этого ей было больнее вдвойне.

Они знали, а она нет! Они ужасались, а она предпочитала ничего не замечать. Дурочка такая. Так же нельзя!

Люсенька переделалась из домашнего шелкового костюма в трикотажный, цвета спелой вишни, и пошла в кухню что-

нибудь приготовить им с Оленькой. Ни она ничего не ела уже много времени, ни Ольга. Это она знала наверняка. Подруга вспоминала о еде, лишь когда ей об этом напоминали. А если учесть, что вчера закончились затяжные выходные дни, то страшно подумать, как Оля питалась все эти дни. Наверняка в холодильнике пусто.

Звонок в домофон прозвенел, когда она уже успела взбить блендером овощную пюрешку – вкусную, красивую, воздушную.

– Да, да, – пропела Люсенька нежно в трубку.

– Открывай, это я, – скомандовала Оля. – Квартиру пока не открывай. Пока я не позвоню в твою дверь.

Люсенька послушно нажала кнопочку. И недоуменно уставилась на свою входную дверь.

Да что происходит-то, что?! Что такого могло случиться с ее подругой за эти дни? Она же никого и никогда не боялась. Она даже в машине никогда не пристегивалась, хотя гоняла с бешеной скоростью по дорогам. Она не опасалась вступать в перепалки с серьезными парнями в барах и клубах. Хотя их мышцы и оттопыренные пиджаки намекали на то, что парни сильны и, возможно, даже вооружены. Ольгу это никогда не смущало. Она была вздорной и конфликтной. Но это, конечно, же только с посторонними. С ними – с ней и с Кирой – она была совершенно другой. Она была спокойной, доброй, могла позволить себе быть слабой и не выпендриваться.

– Люси, это я, – крикнула Оля с лестничной клетки и тут

же скомандовала: – Посмотри в глазок!

Люсенька послушно припала к дверному глазку. Перед дверью корчила рожи Оля. Она отперла.

– Входи, дорогая. – Она обняла подругу, звонко расцеловала ее в обе щеки, позавидовала. – Боже, какой цвет лица! Какая ты умница, что никуда не полетела. А посмотри, что со мной!

– А что с тобой? – Как-то равнодушно или устало – не понять – откликнулась подруга и принялась раздеваться.

– Я вся обгорела! – воскликнула Люсенька с обидой.

И пошла хвостиком за Ольгой, которая сразу прошла в кухню. Остановилась возле стола, где зеленым холмиком на блюде красовалось овощное пюре. Ткнула в него пальцем:

– Что за дрянь, Люси?

– Это овощи. И это мы с тобой сейчас будем кушать. – Люсенька поджала губы. – И о чем ты хотела со мной поговорить? Что-то серьезное? Подождет до после обеда?

– Очень, очень, очень серьезное, Люси. И это не подождет.

Ольга полезла за стол, на свое любимое место у стены. Даже руки не помыла! Безобразие! Люси не стала спорить. Положила перед ней упаковку влажных салфеток. Заставила протереть руки. Выбросила использованные. И затараторила:

– Если ты пришла мне открыть правду об Алексе, то не старайся, дорогая. Я все знаю.

– Что ты знаешь? – Оля откинулась назад, уперлась ма-

кушкой в стену.

– Что он нюхает кокаин. – Люсенька поставила на стол тарелки, принялась размазывать по ним пюре. – Застукала его в душе. Сначала подумала, что ему плохо. Стоит человек на коленях перед унитазом. А потом смотрю, а крышка-то закрыта. А на ней белая пыль. И нос его тоже в пыли.

– Его ноздри постоянно были в этой пыли, – отозвалась ворчливо Оля, с подозрением рассматривая зеленую массу, размазанную по ее тарелке. Ткнула пальчиком. – Это что, серьезно можно есть?

– Можно и нужно. – Люсенька села напротив подруги, взяла в руки ложку, зачерпнула, съела, блаженно зажмурилась. – Только попробуй. Очень вкусно.

– Не могу, Люси. – Оля решительно двинула тарелку по столу. – Я тут не за этим. И я не из-за Алекса приехала. Мне на него... Ладно, проехали. Если ты с ним рассталась, то большая молодец.

– Кажется... – Голубые глаза Люсеньки наполнились слезами. – Кажется, это он со мной расстался.

– Тоже молодец. Вовремя, – перебила ее Оля – Я здесь не за этим, Люси. У нас большие проблемы.

– Да? Какого плана? – Люсенька осторожно промочнула пальчиком глазки. – Что за проблемы?

– Кира... – выдохнула Оля.

И побледнела невероятно. Побледнела до такой степени, что могла бы цветом своих щек посоперничать с мраморной

столешницей, а она была белоснежной. И Люсенька тут же вспомнила о своих загорелых щечках. И потрогала их ладошками и пробормотала:

– Господи, я так обгорела!

– Это не ты обгорела, Люси, – грубо крикнула Оля, сжимая кулачки. – Это наша Кира обгорела!

– Да? Она тоже была на отдыхе? И что, прямо обгорела до состояния большего, чем я?

Люсенька едва заметно, удовлетворенно улыбнулась. Представить себе смуглую Киру загорелой ей было сложно.

– Она обгорела до состояния трупа, Люси, – очень гневно, очень безжалостно, с болезненным нажимом крикнула Оля.

– До чего, до чего?!

Люсенька вдруг почувствовала, что ее овощное пюре забивает ей горло, нос, легкие. Оно расплзается по всему ее организму, мешая дышать, думать, жить.

– До состояния трупа обгорела наша Кира! – Оля поймала трясущуюся нижнюю губу зубами и покусала. И тут же вытянула в ее сторону руки. – Только не голоси, ладно? Не реви! Хотя бы пока! Мне и так нелегко. Мне пришлось ее опознавать.

– Опознавать? – ахнула Люси и тут же медленно поползла со стула.

Оля еле успела ее поймать. Иначе грохнулась бы о мраморный пол и разбила голову. Оля поймала. Усадила на пол, тряхнула, как следует. И даже пару раз щелкнула по щекам.

– Соберись, девочка! Соберись! Нам с тобой не до соплей! Люси! Ну! Посмотри на меня.

Люсенька приоткрыла глаза, поймала взглядом расплывающийся образ Оли, жалко улыбнулась.

– Мне плохо, Оленька. Дай воды, – попросила она жалобно.

– Ох уж мне эти кисейные барышни, – проворчала Оля.

И поволокла ее по полу к стенке. Прислонила. Кинулась к холодильнику. Достала бутылку воды. Налила в стакан, поднесла Люси под нос.

– Пей.

Не вышло у Люси взять стакан. Руки совершенно не слушались. Пришлось Оле ее поить. И в лицо брызгать. Напившись, Люси запросилась на диванчик. С Олиной помощью она поднялась и, семеня, дошла до дивана в гостиной. Рухнула на подушки, уложила руки себе на живот, зажмурилась и произнесла:

– Рассказывай, Оленька.

– Что рассказывать? – Оля сидела у нее в ногах.

– Все. Как так вышло, что тебе пришлось опознавать Киру? Где она обгорела? Где случился пожар?

– Ты готова все выслушать?

– Готова, – кивнула едва заметно Люсенька и сжалась. –

Говори...

Она не перебила ее ни разу. Ни словом, ни всхлипом. В некоторых местах ее рассказа лицо Люси словно превраща-

лось в маску, с такой силой она стискивала зубы.

– Вот и все, Люси, – закончила Оля со вздохом.

– Вот и все, – эхом отозвалась Люсенька. – Где ее похоронят?

– Родители должны приехать, забрать тело. Когда разрешат. Собираются отвезти ее на родину.

– Боже, мы даже не сможем с тобой к ней сходить на кладбище, – плаксивым, слабым голосом воскликнула Люсенька.

– Не начинай! – прикрикнула Оля.

Она встала и заходила по гостиной своей подруги. Натыкалась на мебель, морщилась. Она всегда считала, что Люси слишком захлामीла свою квартиру добром. Всего так много, все так дорого. Сама она придерживалась минимализма. Пусть не дешевого, но минимализма. В ее просторной квартире было немного вещей. Только лишь самое необходимое.

– Что же нам теперь делать, Оленька? – Люсенька приподнялась на локтях, а потом и вовсе села. – Что? Как жить дальше?

– Не знаю. – Оля остановилась возле окна, уставилась на занесенный снегом двор сквозь стекло. – Одно ясно: так, как жили раньше, не получится.

– Разумеется, Оленька! Разумеется! Мы должны найти и призвать к ответу этого... – Она громко всхлипнула.

– Я не об этом, Люси. Я не о мести. – Оля поморщилась, потерла глаза. – Я о том, чтобы стать незаметными.

– Как это? – вытаращилась на нее Люсенька. – Исчезнуть,

что ли?

– Почти угадала.

– Но как так, Оленька? Как так?! – Ее голубые глазки снова наполнились прозрачной слезой. – Кто же, если не мы, отомстит за Киру? Это предательство!

– Нет, дорогая. Это осторожность.

Оля заходила по гостиной, сцепив руки за спиной. Это напомнило Люсеньке их детскую смешную игру в графа Монте-Кристо, и она чуть не хихикнула. Тут же сделалась серьезной и спросила:

– И как мы будем проявлять эту самую осторожность? Как, по-твоему?

– Никаких публичных мест – раз. – Оля расцепила руки и загнула на правой руке указательный палец. – Никаких клубов, магазинов, работающих ночью, никаких ресторанов. Все под запретом! Максимально держаться этих вот стен. Никому не открывать, никого не впускать.

– О, господи! А как же жить-то, Оленька?! – выпалила Люсенька с неподдельным ужасом. – Ладно я, а ты ведь работаешь. Как же ты?

– Уже не работаю. – опечалилась Оля. – Взяла бессрочный отпуск за свой счет.

– Ой! А жить на что станешь?

– Отец поможет. Обещал, – соврала Оля. Рассказывать о щедрой ежемесячной помощи отца она не желала. – Я все рассказала ему. Он тоже разволновался. И счел мои меры

предосторожности верными.

– Ой, какой Всеволод Игнатьевич молодец, – мягко улыбнулась Люсенька, поглаживая себя по коленочкам, обтянутым домашними трикотажными штанишками. – Заботится о тебе. Переживает.

– Ой! – поморщилась Оля и замахала руками. – Не обольщайся, дорогая. О репутации своей он заботится, а не обо мне. Он пришел в ужас, узнав, как погибла наша подруга. И знаешь, что сказал?

– Что? – замерла Люсенька с открытым ртом.

– Что такой подлости, случись это со мной, ни он, ни его бизнес точно не переживут. Хватило за все прошлые годы всякого. Только, мол, успевал очищаться. Но вот такого...

– Может быть, ты как-то не так его поняла? – Люсенька смутилась и опустила голову.

– Правильно я его поняла, Люси. Очень правильно. Мой папаша тут же бросился звонить каким-то своим высокопоставленным знакомым. Начал узнавать, кто еще погиб в том пожаре. Нет ли среди погибших еще каких-то моих друзей.

– И что?

– Нет там моих друзей. И быть не могло. Кира, думаю, попала случайно.

– А как? Как случайно?

Люсенька тут же резко подобрала на диван ноги, будто страшная правда, растекшись грязной лужей по ее полу, могла их запачкать.

– Еще не знаю, Люси. Может, раньше времени вернулась от родителей и поймала попутку по пути из аэропорта. Тогда где ее вещи? Где ее чемодан, любимая дорожная сумка? Нету! Может, в магазин поехала, и снова на попутке. Или снова спуталась с кем-то, о ком мы не знали. И чек из клуба трехдневной давности... Откуда он?! Ее же не было в клубе! Точно не было. Хотя я и набралась прилично, но все помню. А ее – нет, не помню. И бармен Вова подтвердил, что Киры не было в тот вечер в клубе. Откуда этот дурацкий чек? С ее постоянным заказом!

– А что Вова говорит? Он помнит кого-то, кто так же заказал?

– Нет. Не помнит. Ему в тот вечер девушка-студентка помогала. Народу было много. Толчея, если честно. Если она и пробивала кому-то такой же заказ, то точно не вспомнила. Но он обещал с ней поговорить.

– Ой, Оленька... – Люсенька резко встала на ноги, подбежала к подруге и обняла. И забормотала: – Какая же ты молодец! Ты уже начала, да? Начала искать убийцу?

– Нет. Я никого искать не начала. – недовольно поморщилась Оля.

И, убрав с себя руки подруги, отстранилась. Она не терпела всяких девчачьих сопливых нежностей.

– Я просто решила узнать, удостовериться. Я же не могла ее просмотреть! Не могла! Ее там не было. Если только она нарочно не пряталась от меня. Она же соврала нам. Сказала,

что улетает, а сама осталась в городе.

– А, понятно.

Люсенька немного обиделась на то, что Оля ее оттолкнула. Но ненадолго. Вспомнила тут же, что Оля всегда была такой. Редко подставляла щеку для поцелуя. Мало когда обнималась при встрече и на прощание.

– А кто же тогда ищет убийцу нашей Киры? – спросила она, снова взбираясь на диван с ногами.

– А убийцу нашей Киры ищет некто майор Вишняков. Эдуард Владленович. Язык сломаешь, пока выговоришь, – проворчала она.

И вдруг уставилась на Люсеньку широко распахнутыми глазами. И замахала указательным правым пальцем, будто только что-то вспомнила.

– Что? – перепугалась Люсенька, хватаясь за сердце, больно молотящее по ребрам. – Что, Оленька?!

– Ничего, – мотнула та кудряшками.

– Что ты хотела сказать об этом майоре?

– Только то, что он мой сосед, дорогая. И навещать я его могу, когда мне вздумается. Вот так.

Глава 4

– Это резонансное дело на контроле на самом верху, майор, – понижал голос до благоговейного шепота подполковник Рябов на сегодняшнем утреннем совещании. – Мы все должны понимать, что каждый наш шаг под контролем. И не делать глупостей. Не совершать нелепых телодвижений. Быть предельно собранными и осторожными.

Вишняков в этот момент не выдержал и фыркнул.

– Я не сказал ничего смешного, майор. – Тонкие губы Рябова посинели. – Я только имел в виду, что каждая ваша версия должна быть, как бы это выразиться... Адекватной! А не такой, которую ты мне, Вишняков, подкинул вчера вечером.

А что было вчера? Да ничего особенного. Вчера вечером Вишняков предположил, что молодые люди собрались в домике дачного поселка для какой-нибудь модной нынче игры. Потому и позволили себя связать. Добровольно.

– А как еще объяснить, что здоровые крепкие парни подставили руки под веревку!

– Проволоку, майор, – поправил его вчера вечером Рябов. – Руки за спиной были стянуты проволокой. Тонкой, но прочной. Чтобы не прогорела. Чтобы не было возможности развязаться.

Версия Рябову не понравилась. Он принялся фантазировать насчет маньяка, выманивающего молодых людей за го-

род. Опаивающего их чем-то и...

– В крови не было даже алкоголя, товарищ подполковник, – напомнил ему вчера Вишняков.

– Не было, – с сожалением согласился Рябов, будто наличие в крови психотропных веществ многое бы ему объяснило.

Загадок было много. Ответов пока не было. И путных версий тоже. И это Рябова злило. И не только его, но и тех, кто на самом верху. Тех, кто контролировал ход расследования.

Каждое утро начиналось с совещания. Но докладывать пока было не о чем. Погибшие молодые люди, по сведениям, даже не были знакомы между собой. Совершенно случайный набор жертв. Каким-то образом попавших в заброшенный дачный домик, позволивших себя связать, чтобы обгореть. А перед этим еще и схлопотать себе по пуле в затылок.

– Это ритуал какой-то, а не просто убийство, – настырно стоял на своем Вишняков сегодня утром. – Телефоны, бумажники, кошельки – все на месте. Банковские карты тоже.

– Именно по ним нам и удалось установить личность погибших, – проговорил Рябов со странной интонацией, будто благодарил за это убийцу.

– Да. По банковским картам, телефонам, водительским удостоверениям, у кого они были, и паспортам, – покивал Вишняков. – Это не грабитель.

– Нет. Однозначно.

– Это палач.

Рябов крикнул и промолчал.

– Только вот непонятен его мотив. Мстил он или просто выполнял какой-то ритуал. Может, правда, заигрались молодые люди?

– Ой, не заводи, майор, опять ту же песню! – мгновенно взвился Рябов. – За что можно мстить совершенно случайным людям? За что?! И что за игра такая: когда тебя связывают. Ставят на колени. И стреляют в затылок?! Это бред, майор.

– Вот тут не могу с вами согласиться, товарищ подполковник.

И Вишняков принялся рассказывать о найденных в интернете примерах, когда люди себя в карты проигрывали. Когда жизнь свою ставили вместо денег в казино. Когда обеспеченные пресыщенные извращенцы устраивали смертельный квест.

– Примеров много. Я насчитал полтора десятка. – И Вишняков положил перед Рябовым распечатки. – По двум из этих историй уже и фильмы сняты.

– Посмотрел?

– Так точно. – кивнул Вишняков.

– И как?

– Впечатляет. И печалит одновременно.

– А печалит чем? – Рябов нехотя просматривал распечатки, морщился.

– Если у нас подражатель этих вот историй, то дело дрянь,

товарищ подполковник. Мы его никогда не найдем.

– Поговори мне еще, товарищ майор, – скрипучим голо-
сом отозвался Рябов и сгреб в сторону листы с нехорошей
информацией.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь звуками
из коридора да тиканьем настенных стареньких часов, кото-
рые Рябов таскал с собой из кабинета в кабинет, считая их
талисманом.

– Что, прямо вот никакой зацепки нет? – спросил он по-
сле паузы и ткнул ногтем в фалангу указательного пальца. –
Прямо вот даже такой?

– Только чек.

– Какой чек? Что за чек?

– Чек из ночного клуба «Соломея», найденный в вещах
одной из жертв.

– И что там в нем? – сразу потух Рябов.

– В этом чеке все, что обычно заказывала жертва: два кок-
тейля, пиво и луковые колечки.

– И? – Ноздри Рябова гневно раздулись. – Что необычного
в ее обычном заказе, майор?

– То, что ее в тот вечер в клубе не видели.

– Кто не видел? Ее пьяная подруга? – Рябову уже докла-
дывали, он уже знал. – Она себя в тот вечер не видела, майор.
Ее в такси грузили буквально. Как она до квартиры добра-
лась и ноги не переломала, загадка. Она была очень, очень,
майор, сильно пьяна.

– Бармен тоже не помнит Новикову.

– Как было ему вспомнить, если он крутился как белка в колесе! – процитировал доклад одного из подчиненных Рябов. – Да, Вишняков, да, не смотри на меня так. Я попросил лейтенанта Горохову еще раз съездить в этот клуб. И еще раз переговорить с персоналом.

Вишнякову тут же захотелось плюнуть на отполированный локтями стол и уйти. Рябов, конечно, вообще! Того уже, подполковник! Чтобы посылать по следу лейтенанта какого-то зеленого! Да еще Горохову! Она же с людьми работать не умеет вовсе. Она вопросы не умеет задавать. Мысль свою формулировать правильно не умеет.

Ну, Рябов!..

– Разрешите идти? – Вишняков полез из-за стола.

– Не разрешаю! – прикрикнул Рябов и по столу ладонью шлепнул. – Совещание еще не закончилось.

А оно, по сути, и не начиналось. Топтанием на одном месте это было, а не совещанием. Но майор послушно уселся на место.

– Что можешь сказать о подруге погибшей Новиковой, майор?

– О которой? Их у нее несколько, – поджал Вишняков губы.

– О той, которая вызвалась на опознание приехать. И домчалась в рекордно короткий срок. Будто на соседней улице была, в самом деле! Что ты можешь о ней сказать?

– Ольга Всеволодовна Королёва, двадцати трех лет от роду. Не замужем. Не привлекалась. Проживает по адресу... – Он зачитал свой адрес, только номер квартиры поменял. – Работает креативным директором в солидной фирме, соучредителем которой является ее отец. Лишилась матери десять лет назад. Та погибла в автомобильной катастрофе с любовником. Отец ее восемь лет назад вторично женился. Воспитывает трех сыновей. Жена...

– Все, хватит, – замахал на него руками Рябов. – Вижу, работал, молодец. Я не о том вообще хотел спросить. Я хотел спросить, в каких отношениях эта самая Ольга Королёва была с погибшей?

– В нормальных отношениях. Они очень тесно и давно дружили.

– Угу... – Рябов покосился на распечатки с интернета, которые ему подсунул Вишняков. – Как считаешь, могла эта Королёва быть причастной?

– К чему, товарищ подполковник? К массовому убийству?!

Вот честное слово, еле сдержался, чтобы у виска не покрутить. Рябов, наверное, уже не знает, что придумать для доклада наверх.

– К такой вот игре, как ты это называешь? – Подполковник сграбастал распечатки и помотал ими в воздухе. – Они же сейчас не пойми чем мозги свои забивают. Эта, с позволения сказать, золотая молодежь, она... Гм-м... Так что? Как

считаешь, майор?

– Я не разрабатывал Королёву на предмет подозреваемой. У нее алиби, товарищ подполковник, – напомнил Вишняков. – К тому же ее потрясение в момент опознания было очевидным.

– А вот тут я с тобой не соглашусь, майор, – вдруг обрадовался Рябов. – Из всех, кто осматривал тела, эта самая Королёва держалась лучше всех. Сначала будто испугалась. А потом очень быстро пришла в себя. Скажите, какое самообладание! Твою лучшую подругу убили, сожгли, а она даже не всплакнула. Это так... Это так не похоже на женщину. На обычную женщину.

Может, потому, что Королёва была особенной? Не такой, как все?

Об этом он в тот момент подумал, но вслух не сказал. Потом замотался днем. И вспомнил о Королёвой, лишь подъехав к дому. Вспомнил, потому что машину ее увидел на стоянке, которую она будто бы оплачивала. Машина была сильно занесена снегом. А снег шел еще два дня назад. Она что, не выезжала никуда? А как же работа?

Подумал и снова забыл. Потому что нашел в почтовом ящике неприятную бумагу. Повестку в суд! Тамара подала на развод. Почему в суд-то? У них не было детей. Не было совместно нажитого имущества. Разбежались бы тихо, мирно. Что-то затевается его женой. Что-то нехорошее.

Он долго прождал лифт и вошел в кабину взбешенным.

А когда вошел в квартиру и понял, что снова не купил соль, то матерился минут пять, хотя в принципе не любил выражаться.

Пельмени пришлось варить со специями, в которых была соль. Высыпал целую пачку и пересолил. Ел и морщился. Еле запил потом тремя чашками чая. Только-только улеглось раздражение от невкусного, пересоленного ужина, как позвонила Тамара. И началось! Упреки, слезы. Она обвиняла его в своей разрушенной им карьере, в крахе мечты стать знаменитым журналистом, в нанесении вреда здоровью.

– А тут я в чем виноват? – поинтересовался Вишняков лениво.

– Мне пришлось из-за тебя сделать аборт, и теперь еще неизвестно, смогу ли я иметь детей или нет!

– Тамара... Тамара, остановись, – попросил он, закатывая глаза под лоб. – Или я напомню тебе, что аборт ты делала не от меня. И делала его задолго до нашего с тобой знакомства. Это раз.

Она помолчала, а потом спросила сердито:

– А что два?

– А два, это то, что я не виноват в крушении твоих мечт и желаний. Это я о твоей загубленной карьере.

Вишняков встал и пошел в кухню. Достал из холодильника начатую бутылку красного вина, вытащил зубами пробку, налил себе в бокал почти до края. Глотнул раз, другой.

– А кто виноват, кто, Вишняков? Ты же не помогал мне

ни в чем.

– Не был обязан, – огрызнулся он. – Знаешь, Тамара, кто виноват в твоих неудачах?

– Кто? – буркнула она.

– Ты. Нет у тебя таланта, дорогая, нет. Признай это. И займись чем-нибудь другим.

– Ах ты, сволочь! – выдохнула она с ненавистью.

И прежде, чем она продолжит, Вишняков отключил телефон. Он знал, какие слова она скажет в его адрес. Они почти всегда повторялись.

Он выключил телефон совсем. Убрал бутылку в холодильник. Вернулся с бокалом вина в гостиную. Сел в любимое громадное кресло, казавшееся Тамаре уродливым, положил ноги на низкий столик и блаженно зажмурился.

Какое же это все-таки счастье: сидеть так вот, в одиночестве, в тишине, которую никто не нарушает. Можно потягивать вино, без боязни, что у тебя выхватят бокал и выльют в раковину или за окно. Можно беспричинно улыбаться или хмуриться. И не отвечать потом на вопросы: а почему, а с чего это, а каким мыслям он скалится... Можно не переодеваться в домашнюю одежду и продолжать ходить по дому в брюках, в которых пришел с работы. И даже пересоленные магазинные пельмени не способны были испортить ощущения блаженного покоя.

От звонка в дверь – продолжительного, настырного – он дернулся и пролил вино себе на рубашку.

– Черт! – едва слышно выругался Вишняков, затирая пятно. – Тамара, да что же ты никак не угомонишься-то!

Открывая дверь, он был уверен, что за ней пританцовывает от нетерпения его жена, с которой они решили развестись уже почти десять дней назад. И именно по этой причине спрятал бокал с вином в платяной шкаф в прихожей. Чтобы не давать ей лишний повод для визга.

– Добрый вечер.

За дверью не было Тамары, там стояла Королёва. Ольга Королёва, о которой он сегодня утром думал, что она не такая, как все.

– Можно войти? – Ее нога, обутая в легкие летние туфли, ступила на его порог.

– А если я не один?

Вишняков сцепил на груди руки, чтобы закрыть пятно от вина на рубашке. Но она все равно заметила.

– Пьете, товарищ майор? – глумливо ухмыльнулась Ольга. – Жена с чемоданами за порог, а вы за бутылку? Теперь за окно вино лить некому, так?

Она потеснила его от входа, вошла. Скинула с плеч легкую куртку болотного цвета, оставшись в джинсах и футболке без рукавов. Летние туфли оставила у порога. И пошла в комнату.

– Откуда знаете?

– Про вино? – отозвалась она с дивана, куда тут же забралась с ногами. – Так у меня под окном весь клен обледенел

от вашего винного фонтана.

– Про чемоданы, – буркнул Вишняков, на ходу доставая бокал с вином из шкафа. – Что жена с чемоданами уехала?

– А-а-а, это. Так соседка Виктория из квартиры напротив просветила. Сказала, совсем теперь сопьется без жены. Жена не выдержала, бросила его. Он теперь совсем того... – Она выразительно глянула на бокал в его руке. – Я не особо ей поверила. А вы и правда пьете.

– Зачем пришли, Ольга? – Он демонстративно поднес бокал ко рту, сделал глубокий глоток. – Лекции мне читать? О вреде алкоголизма?

– Нет. Я не считаю вас алкоголиком. Вы же майор полиции. Стали бы вас там держать, если бы вы были алкоголиком, – произнесла она так, словно заучила заранее.

– Логично, – удивленно вскинул брови Вишняков.

Такие доводы Тамаре казались смехотворными. Она считала, что все его коллеги – алкаши со стажем. Иначе в их профессии нельзя. Нервы не справятся.

– Так зачем пришли? – Он сел в любимое кресло, снова положив ноги на столик.

– Поговорить.

– А больше не с кем? – Он глянул на нее поверх бокала. – Кстати! А чего это вы не на машине? Стоит, бедняжка, скучает. Снегом замело. Парковку стережете или как? Пару дней уже не трогаете? Так?

– Так.

– На такси передвигаетесь?

– Нет. Никак не передвигаюсь. Дома сижу.

– Заболели?

– Нет, не заболели, – передразнила она его язвительно. –

Отпуск взяли. Бессрочный.

– Ай, ай, ай. – Вишняков приложил кончики пальцев ко рту, делано перепугался. – Как же теперь ваша фирма без креативного директора? Разорятся! Как пить дать разорятся! Они же без вас шагу ступить не могут. Какой у них там слоган в сложных ситуациях? Дай бог памяти... Ах, да! Боже, храни Королёву.

– И об этом уже натрещали. – Ольга вжалась в спинку кресла, уставилась на Вишнякова темными подозрительными глазами. – А вам на кой черт, майор, надо было туда соваться? Что хотели узнать? В каких я отношениях состояла с погибшей Новиковой? Так о ней там даже никто не слышал. Думали, обо мне там вам расскажут какие-нибудь страшилки? Тоже нет.

– Нет, – покивал он согласно, медленно цедя вино. – Никто не слышал ни о какой Новиковой. Никто не сказал о вас дурного слова. Кроме мужчин, разумеется.

– А что мужчины? – поинтересовалась Оля равнодушно.

– А мужчины вас кличут не просто Королёвой, а Снежной Королёвой. Говорят, дотронуться страшно. Можно обморозиться или о льдинку уколоться.

– А вам, майор?

И она очень опасно усмехнулась, рассматривая его рубашку с пятном от вина, расстегнутую почти до пупка. И замороженной она ему в тот момент совсем даже не показалась. От того, каким тайным жаром полыхнуло на него из ее темных глаз, Вишнякову сделалось невыносимо душно. Бокал ли вина тому был виной, или то, что он без жены прожил больше недели, но он увидел в ее вопросе и взгляде некий посыл. И разволновался. И снова подумал, что эта Ольга Королёва не такая, как все.

– А что я?

– А вы тоже боитесь обморозиться?

Ее глаза как заговоренные ерзали по его расстегнутой рубашке, которая давно прилипла к его спине от пота.

– Я ничего не боюсь, Ольга, – нашелся он через минуту, сочтя паузу неприлично затянувшейся.

Влил в себя остатки вина и нехотя полез из кресла. И спросил, проходя мимо дивана, на котором она сидела с ногами:

– Так зачем вы пришли, я не понял? Спросить, зачем я был у вас на работе? Так это моя работа – посещать места работы возможных фигурантов дела.

– А я фигурант?

Она не слезла, спрыгнула с дивана. И зашлепала босыми ступнями о его не очень чистый пол за ним следом в кухню.

– А почему я фигурант, майор? Только потому, что приехала на опознание и не грохнулась в обморок? Тот дядечка,

который пытался оказать мне первую психологическую помощь, кажется, был шокирован, не так ли?

Вишняков еле успел спрятать довольную улыбку. Знал бы Рябов, что его кличут дядечкой, все губы искусал бы с досады. Он-то считает, что пользуется успехом у женщин. Хотя пара его «успехов», с которыми был лично знаком Вишняков, были весьма сомнительного свойства и качества.

– Я что, под подозрением? – не унималась Королёва, пританцовывая за его спиной, он видел в окне ее отражение. – Почему? Только потому, что я была с ней знакома?

– Ольга, уймись, – попросил Вишняков и со вздохом полез в холодильник за бутылкой вина. – Выпьете со мной?

– Нет, – категорично мотнула она головой. – И вам не советую.

– А что так?

– Мне нужна ваша трезвая голова. У меня к вам есть вопросы. И возможно, некая информация. Не знаю, способна ли она помочь. Она на первый взгляд кажется бредом, но ведь у вас наверняка ничего нет по убийству. Раз вы пустили в разработку ближнее окружение погибших.

– Ольга! – вытаращился на нее Вишняков, с сомнением помотал в руке бутылкой и все же убрал ее обратно в холодильник. – Да вы меня поражаете! Откуда такая осведомленность о ходе следственных мероприятий?

– Не важно. – Она выглянула из-за его плеча, ткнула пальчиком в кофейную машину. – А давайте кофе выпьем. Кофе

у вас есть?

Кофе был. Много! Разных сортов! Он обожал экспериментировать, смешивая, подсаливая, перча. Пытался добиться того самого неповторимого вкуса, который остался в памяти после посещения старенькой забытой богом кофейни в одном из пригородов Риги. Было это очень давно, но вкус в памяти до сих пор хранился.

– Вы любите кофе? – удивилась Ольга, наблюдая за его манипуляциями с кофейными зёрнами.

– Обожаю! Я без него жить не могу!

– И еще без вина?

– Вино – это так, баловство. А кофе – страсть.

– А моя соседка Вика утверждает, что вы алкоголик, – поддразнила его улыбкой Ольга. – И что ваша бедная жена замучилась вино лить за окно вам в назидание.

– Это была моя коллекция. Не сортовое, старинное вино, конечно, но каждая бутылка с историей. А Тамара взяла и все уничтожила.

– Так она дня три лила! Сколько же было в вашей коллекции вина?

– Сорок три бутылки.

– Круто. И вы ей ничего? В смысле, не остановили?

– Не остановил, – признался со смешком Вишняков, поставил чашки с кофе на стол. – Прошу... Не остановил, когда она уходила.

Королёва промолчала, пригубила кофе. Сначала помор-

щилась от непривычного вкуса, потом повторила глоток, склонила голову набок. Еще через глоток блаженно улыбнулась.

– Вот. Я же говорю, что кофе – это моя страсть. – Вишняков медленно цедил кофе, усевшись напротив Ольги за стол. – А что касается моего визита к вам на работу, Ольга... Так мы всегда ближнее окружение разрабатываем. Всегда. С этого начинаем.

– Обнаружилось что-нибудь интересное?

– Нет, – честно ответил Вишняков, выдержал ее пристальный изучающий взгляд и снова повторил: – Нет. Ничего.

– Почему они там все собрались, удалось выяснить? Как?! – Она с грохотом поставила пустую кофейную чашку на стол. – Как такое возможно? Не знаю, как остальные, но Кира... Она была очень здравомыслящим человеком. Очень! Заманить ее в какую-то авантюру было практически невозможно.

– Может быть, вы не все знаете о своей подруге, Ольга?

– А чего я о ней, интересно, не знаю? – выпалила она, взмахнув руками.

– Например, то, что она не летала к родителям на рождественских каникулах.

– Это уже и мне понятно. Что-то помешало. Какие-то обстоятельства. Но она собиралась. Точно собиралась и даже билет купила.

– Она не покупала билета, Ольга. Не было зарегистриро-

вано на ее имя ни одного билета. Ни на одно из чисел, которое вы нам указали. И на которое не указали – тоже.

– Как?! Как так?!

Ее бледные гладкие щеки неожиданно покраснели, может, от гнева или от обиды, что ее обманула лучшая подруга.

– Более того, в крови погибших не было обнаружено ничего, что могло бы указывать на то, что их в этот дачный дом доставили в бессознательном состоянии.

– Добровольно?! – прошипела она, вытягивая шею в его сторону. – Вы хотите сказать, что они там оказались добровольно?!

– Предполагаю.

– Бред какой-то.

Она ссутулилась, сунула ладошки под себя, придавив их к стулу. Надолго задумалась.

– Вы ведь хотели мне что-то сообщить, Ольга. Что-то, что, возможно, покажется мне бредом. Но может...

– Уже не может, – резко оборвала она его. – Я не хочу пылить словами. Вводить, как это у вас говорится, следствие в заблуждение. Может, я вам и расскажу, что думаю. Но для этого вы должны мне кое-что обещать.

Он промолчал. Потому что не мог ей обещать вообще ничего. Не тот был случай, когда мужчина может воскликнуть:

– Да все, что угодно! Да все, что в моих силах!

Не тот случай, не тот. Ольга что-то знала и скрывала. Пришла за информацией, а сама молчит.

– Мне надо взглянуть на вещи жертв. Всех жертв, – сказала она с нажимом, заметив его недоумение.

– Зачем?

– Мне показалось в тот момент, что я что-то такое там видела. Но мне могло и показаться. Просто какой-то бзик, галлюцинация от сильнейшего нервного потрясения.

– Что это? Что вы видели, как вам показалось?

– Не хочу говорить. Пока не увижу. Пока не удостоверюсь, что я не схожу с ума.

Она поежилась, будто замерзла. Хотя могла и замерзнуть. Без Тамары он убавлял отопление до минимума. Всегда. Ему без нее тепла хватало даже просто от стен.

– Вы поможете мне? Позвольте взглянуть на вещи погибших?

– Да, – ответил Вишняков. – В этом я вам помогу.

Глава 5

– Люсенька, деточка, тебе не следует так убиваться. – Сидевшая напротив нее за столом мама смешно сморщила носик. – Беда, она, конечно...

– Не приходит одна? – выпалила Люсенька и суеверно поплевала через левое плечо три раза. – Ты это хочешь сказать, мама?

– Да нет, конечно! – Мама замахала на нее ухоженными руками, успевая полюбоваться свежим дорогим маникюром. – Гибель подруги – это еще не твоя беда, дорогая. К тому же ваша дружба с этой девушкой, откровенно сказать, всегда вызывала во мне недоумение.

– Почему?

Люсенька грациозным движением подцепила из креманки нежнейшую творожную массу без сахара, с фруктами и орешками, отправила в ротик. Блаженно зажмурилась. Вот за что она особенно обожала свою мамочку, так это за разборчивость в питании. Никаких особых диет. Просто правильное питание. И главное – вкусное. Конечно же, мамочка не сама этим занималась. Когда ей? То фитнес, то йога, то маникюр, то массаж. Она ежедневно была невероятно занята. Хозяйством в их доме занималась троюродная сестра мамочки – Ксюша.

Однажды, много лет назад, приехав к ним из глухой де-

ревни откуда-то из-под Пензы, погостить, Ксюша осталась в их доме навсегда. Ей все-все в их доме понравилось. И Люсенька в первую очередь. Она и ее воспитанием занималась в том числе. И неплохо воспитала, имея на руках диплом учителя английского и испанского языков.

Как-то Ксюша от них съезжала. Когда Люсеньке только-только исполнилось десять. Наметился у нее какой-то нелепый романчик, с маминых слов. Мама не была против и позволила Ксюше устраивать свою личную жизнь по ее усмотрению. Романчик продлился недолго. Молодой человек оказался мерзавцем. Обманул бедную деревенскую учительницу. К тому же заставил Ксюшу сделать аборт, который прошел с осложнениями. В результате – бесплодие. Мамочка еле отыскала свою троюродную сестрицу в одной из районных клиник. Привезла ее обратно в дом. Ухаживала, пока Ксюша не окрепла. А потом оставила навсегда в своем доме, взяв с Ксюши слово больше никогда, никогда не пытаться менять что-то в своей жизни.

– Тебе судьба подарила нас, дорогая. Разве этого мало? У тебя есть крыша над головой. У тебя есть семья, которая тебя любит. К тому же у тебя есть гарантированная работа, которая оплачивается. Я даже упростила мужа оформить тебя официально в его фирме, чтобы у тебя шел стаж, чтобы в старости ты получала пенсию. Это ли не подарок судьбы?

Люсенька, не отлипая в те дни от Ксюши, считала детским своим умом, что на самом деле это Ксюша для них подарок

судьбы. Она милая, добрая, любящая. Она прекрасно готовила и любила Люсеньку, как свою родную дочку...

– Эта девушка Кира была в вашей компании белой вороной, – продолжила свою мысль мамочка, погружая ложечку в овсяный кисель, который Ксюша готовила ей по специальному рецепту. – Вы с Олей дочери обеспеченных родителей. У вас с раннего детства было все.

– У Оленьки очень рано не стало мамочки, – с печалью воскликнула Люсенька.

– Ну да, да, это была трагедия, конечно. Но отец для Ольги очень много сделал. Гораздо больше, чем ее непутевая мать. И главное, он не позволил ей скатиться в пропасть. А у нее для этого были все предпосылки. – Мамочка подумала, склонившись над миской с овсяным киселем, и добавила: – И зачатки.

– Что ты этим хочешь сказать, мама? – растерянно заморгала Люсенька.

– Только то, что она... Она... Ой, не знаю, как сформулировать правильнее. – Она снова смешно сморщилась, прекрасно зная, что эта гримаса ее не портит, а, напротив, делает ее лицо очень милым. – Каждое дурное зерно, в случае с Олей, всякий раз падало в благодатную почву. К ней как-то очень удачно прилипала всякая грязь. Где намечался какой-то ужасный шабаш, там она. Признаюсь честно, теперь-то уже могу, времени прошло немало, я всегда думала, что она сядет. Рано или поздно, но сядет.

– Кто?! Оля?! Моя Оля?! – Люсенька покраснела до слез от обиды за любимую подругу. – Мама, ты о чем вообще говоришь! О ком вообще говоришь! Это же Оля, моя подруга. Она не способна.

– Сейчас – да. Но раньше...

Мама еще ниже склонилась над плошкой с овсяным киселем и часто-часто заработала ложкой. Если кисель остынет, есть его становилось невозможно.

– А что раньше?

Люсенька надула губы и решительно отодвинула от себя креманку с любимой творожной массой. Она обиделась на мамочку. Та не имела права говорить дурно об Оле. Она много не знала. И могла только догадываться. А вот Люсенька знала об Оле все. Или почти все. И знала, что вернее и надежнее подруги в ее жизни уже не будет никогда.

– Раньше твоя Оленька водила сомнительные знакомства. Весьма сомнительные. – Мамочка доела кисель и с облегчением отодвинула от себя пустую посудину. – И если бы не Всеволод Игнатьевич, если бы не его связи и деньги, Ольга бы точно попала за решетку. Послушай, дорогая, давай сменим тему. Я не хочу больше говорить о них. У меня есть моя девочка, моя милая, любимая девочка. И это главное. Кстати, тебе просто необходимо посетить моего косметолога.

Эта фраза, сказанная будто вскользь, да еще сопровождаемая красноречивым взглядом по ее загорелым щекам, окончательно добила Люсеньку. Она разозлилась.

– Мамочка, я как-нибудь сама, хорошо? – холодно улыбнулась она матери, бросая салфетку, укрывавшую колени, на стол. – И вообще, мне пора.

– Как пора? Ты же собиралась пожить у нас какое-то время.

– Я передумала.

– Ну, как тебе будет угодно.

Кажется, мамочка даже не расстроилась. И даже будто выдохнула с облегчением. Люсенька тоже внезапно обрадовалась, изменив свое решение погостить у родителей. Мамочка – это не Ксюша. К ней был нужен особенный подход. А Люсенька сейчас находилась не в том настроении, чтобы заниматься стратегией. Ей не до этого! У нее страшно погибла подруга. Нелепо как-то. Необоснованно. Погибла не одна, а с группой лиц, с которыми Кира, кажется, даже не была знакома.

Как Кира с ними познакомилась? Почему вместо того, чтобы лететь к родителям, она поехала с этими людьми на какую-то странную заброшенную дачу? Почему Оля не видела ее в клубе, хотя чек оттуда у Киры сохранился в сумочке? Как такое вообще возможно?!

Люсенька очень быстро собрала свои вещи, которые успела разложить по полкам шкафа в своей бывшей детской. Не стала просить Ксюшу и сама донесла дорожную сумку до своей машины. Выехала через пять минут за ворота и почти сразу позвонила Алексу.

– Люси, дорогая, ты чего так рано? – странным заполоснутым голосом ответил ей ее парень в ответ на приветствие.

– Алекс, в Москве почти полдень, – напомнила ему Люсенька со вздохом. – Ты узнал, что я тебя просила?

– Вот я именно об этом, Люси! Ты чего так рано звонишь? С твоей просьбы прошел день. Думаешь, это так просто?

– Для тебя – да. К тому же тебе наверняка нужны деньги. Слышала, отец тебе устроил грандиозный скандал. И заблокировал часть твоих счетов. А я готова заплатить, как договаривались. И выполнить мою просьбу для тебя не так сложно, Алекс.

– С чего ты так решила?

Алекс явно был озадачен холодностью своей девушки, с которой ему было будто бы и хорошо, и в то же время обременительно. Люси была милой и наивной. Ее легко было обмануть. Она верила каждому его слову. И он этим неоднократно пользовался. Но все дело в том, что ему в какой-то момент вдруг надоело ее обманывать. Надоело притворяться. Прятаться от нее, запирается в душевой. Стало просто лень!

– Я с того решила, Алекс, что ты знал одного из погибших в пожаре парней, – ответила Люсенька, выезжая из коттеджного поселка, в котором жили ее родители.

– А может, и не знал. Откуда такая уверенность? – В голосе Алекса зазвучало беспокойство.

– Ты совершенно точно был знаком с Никитой Калиным.

– Чет не припомню.

– А ты припомни, Алекс, припомни. Он был твоим однокурсником. Разве нет?

Повисла пауза. Люсенька сосредоточилась на дороге. Алекс непонятно почему долго молчал. Может, снова приложился ноздрей к столу? Ей сделалось так тошно, что она закричала:

– Что молчишь? Опять нюхаешь, скотина? Я все расскажу твоему отцу! Все!

– Да ничего я не нюхаю, одурела, что ли, – противным сладким голосом отозвался Алекс. – Просто пытаюсь вспомнить. Никита Калинин... Никита Калинин... Люси. Ну, вот вообще провал. Может, напомним, детка?

– Я сейчас приеду к тебе и напомним. Я тебе так напомним!

Она сама себя не узнавала по силе голоса и гнева. Такое с ней случилось впервые. Оля бы одобрительно улыбнулась, сочтя это становлением характера. Мамочка бы укоризненно покачала головой, назвав это испорченностью манер.

– погоди, погоди, Люси! Куда ты приедешь? Зачем? – переполошился Алекс. – Не следует ко мне приезжать. Я сам постараюсь вспомнить.

– Я еду. Алекс. Все. Разговор окончен. И если ты мне не откроешь... Если ты мне...

– Приезжай, – отозвался он. – Открою.

Дом, в котором у Алекса была квартира на пятнадцатом этаже, летом утонул в зелени. Такого уютного двора в

новостройках Люсеньке еще не приходилось нигде видеть. На зиму капризные растения укутывались плотными слоями какой-то специальной ткани. Деревья, не приспособленные к нашему зимнему климату, стояли укутанными, как стражи, кольцуя высотку ровными рядами. Весной их раздевали, удобряли, поливали, белили стволы. С конца мая началось буйство цветения, которое продолжалось почти все лето. Это было очень красиво!

Квартира Алекса тоже была красивой, когда он в нее вселился. Светлая, просторная, с хорошим ремонтом и красивой мебелью. Но Алекс, кажется, портил все, к чему прикасался. Через полтора года от ухоженности и шика его жилища не осталось ничего. Не спасало ни одно агентство по уборке. Ни одна домработница. Алекс мог уничтожить следы их посещения минут за двадцать.

Где были ее глаза, когда она его выбирала? Где был ее разум, когда она на него ставила, пытаясь связать с ним свою жизнь, свое будущее?

– Скотина, – прошипела Люсенька, непривычно выругавшись, стоило ей переступить порог.

– Прости, – сиплым голосом отозвался Алекс, глядя на нее потухшими ввалившимися глазами. – Прости меня, Люси. За все. Но тебе точно не стоило приезжать.

– Почему? Потому что ты с девушкой?

Они все еще топтались возле его входной двери. Он все еще не давал ей возможности пройти.

– Нет, я не с девушкой. Но видишь, я какой!

Он провел растопыренной ладонью по лицу. Взъерошил волосы. Одернул грязную в пятнах футболку, покосился на свои спортивные трусы.

– Вижу, – кивнула она со вздохом и пошла в гостиную.

Алекс дышал ей в затылок.

Люсенька вошла, ужаснулась бардаку. Стряхнула грязные вещи Алекса с дивана на пол, села.

– Что это, Алекс? – Ткнула она пальчиком в грудку его грязных вещей. Брезгливо поморщилась. – У тебя нет стиральной машинки? Домработница не знает, как ею пользоваться?

– Домработница ушла. Ты же знаешь, они у меня не задерживаются. – Алекс сел на пол у нее в ногах, погладил носы ее сапог. – Новая обувь, Люси?

– Ты опять забыл ей заплатить, – покивала она, подбирая ноги. – А сам ты машинкой не умеешь пользоваться. Понятно. Ну что? Пойдем, научу?

– Нет, не надо. Все я умею, Люси. Ты мне лучше... – Алекс жалко улыбнулся. – Одолжи денег, а?

– Никита! – с выражением проговорила Люсенька и подняла вверх указательный пальчик. – Калин!

– Ну, вспомнил я, вспомнил этого неудачника. И что? Обычный. Серый. Невыделяющийся. Не выдающийся.

– Это я и без тебя знаю.

– Еще бы тебе не знать! Он за тобой тенью ходил. А ты

его даже не замечала.

– Тебя заметила на свою голову, – проворчала она и покосилась на пятна на его футболке. – Мог бы что-то и попрличнее надеть.

– Все в стирке, малыш. – Он глупо хихикнул и пнул ногой ворох грязной одежды. – Или почти в стирке.

– Ужас! – Люсенька закатила глаза.

– Сам в шоке, – пробормотал он, округляя глаза в притворном ужасе. – Денег дашь?

– Чем он теперь занимался? – будто не слыша его, спросила Люсенька. – Помнится, он подавал большие надежды на факультете. На последнем курсе начал писать кандидатскую. Я ничего не путаю?

– Нет. Начал. Написал. Потом защитился. Работал на кафедре. За гроши. Жена от него сбежала.

– Жена? Он женился?

– А почему тебя это удивляет?

Алекс откинулся назад, опираясь кулаками в пол за своей спиной, и принялся босой ступней поглаживать носы ее сапог.

«Совсем свихнулся», – решила Люсенька и пересела в кресло.

– Меня это удивляет, потому что он казался мне стопроцентным холостяком, – объяснилась она уже с кресла.

– Нет, Люси. Тебя это удивляет, потому что ты думала, он влюблен в тебя навечно. А он вдруг взял и женился.

– Женился и женился, дальше что? Я имею в виду, после того, как жена от него сбежала, что было дальше?

Алекс совсем немного ее знал, и то догадался, что ей сделалось неприятно от новости, что Никита так быстро зализал раны своей истерзанной души. Он и правда не давал ей прохода. Она даже вздрагивать начала, обнаруживая его повсюду. И он точно уверял, что никто другой ему не нужен. Только она. И вдруг женился. Как-то странно.

Пойми их, мужчин.

– Жена от него сбежала. Он уволился с кафедры. Устроился на какую-то фирму по разработке компьютерных программ. Его заметили. Переманили в другую фирму. Потом в следующую. В общем, Калинин полез в гору. Стремительно. За два года он сделал такую карьеру, которой многие добиваются десятилетиями.

И снова Люсеньке сделалось неприятно. Надо же, каким он оказался! Успешным, наверняка обеспеченным. И он так был в нее влюблен. Так в нее влюблен! А она вот, если честно, даже внешности его вспомнить не может. Хорошо, фамилию вспомнила, когда Ольга перечислила ей погибших.

– В общем, Никита Калинин сделался очень обеспеченным. Купил себе жилье где-то в центре. Начал присматривать землю под строительство дома. И...

Алекс внезапно умолк.

– И? И что дальше?

– Следующий блок информации, Люси, платный. Уж,

прости. – Его палец поводил в воздухе, нарисовав тысячу долларов.

– Ты идиот? Откуда у меня с собой такие деньги?

Люси вцепилась в сумочку. Он будто знал! Будто видел сквозь тонкую кожу содержимое ее кошелька. А там в самом деле имелась такая сумма. Даже чуть больше. Папочка премировал за хорошее поведение. Так он сам сказал, целуя ее в макушку. И она даже уже придумала, что купит себе сегодня на эти деньги, свалившиеся просто так, из ниоткуда.

– У тебя всегда есть с собой банковская карточка, Люси. И ты можешь прямо сейчас взять в руки телефон и перевести мне нужную сумму. Иначе... – и Алекс очень живописно провел пальцами по губам, будто молнию на одежде застегивал.

– Вот ты сволочь, Алекс! Вот ты сволочь! – Люси достала телефон, включила приложение. Глянула на него сердито. – Учти, если информация выеденного яйца не стоит, я отменю операцию, и всё.

– Учел, – плотоядно скалился Алекс и тут же обеспокоенно завертел задом по полу. – Только на социальную карту мне бросай. Остальные отец заблокировал.

Она молча кивнула, продолжая аккуратно вводить пароль. В какой-то момент ей показалось, что в прихожей кто-то есть. Будто какой-то шорох раздался, как от одежды, которую снимают с вешалки. Она сбилась, нажала не ту букву, и пароль не был принят. Пришлось начинать все сначала. Она

отвлеклась и пропустила тот момент, когда входная дверь Алекса осторожно открылась и закрылась. Почти бесшумно. Алекс почувствовал – по легкому сквозняку, скользнувшему по полу. Но даже не повернул головы в сторону прихожей. Он знал, кто ушел.

– Все, деньги ушли. Рассказывай, – потребовала Люсенька, убирая телефон в сумочку.

Алекс сунулся в сообщения на своем мобильном. Довольно улыбнулся подтверждению о поступившем платеже. Поднялся на ноги, потянулся с хрустом.

– Алекс! – прикрикнула Люсенька. – Я сейчас отменю перевод!

– Да ладно, Люси, не паникуй. Вот увидишь, информация того стоит. Может, кофе сварим, а, детка?

Его взгляд скользнул с носов ее новых дорогих сапожек выше к коленям, пополз выше, зацепился за край ее короткой облегченной дубленки, загорелся. Он как будто соскучился по ее телу, что ли.

– Алекс! – прикрикнула Люсенька. – Ну!

– Ладно, ладно, кофе потом, я понял. – Он примирительно задрал руки вверх. Уронил их. – В общем, землю он выбирал под дом. Искал недорогую. Сильно потратился на жилье в центре. И будто нашел.

– Да? И где же? И вообще, Алекс, не пойму, зачем мне это? Я же просила узнать, как вместе с ними со всеми оказалась Кира? И ты...

– А теперь внимание: важный момент, – перебил он ее, имитируя бой барабанных палочек. – Землю Никита соби-
рался купить именно там, где его и убили.

– Как?!

– А вот как-то так. – Алекс позвал ее жестом за собой в кухню. – Этот участок давно и безуспешно был выставлен на продажу, Люси.

– Почему? Почему безуспешно? Плохая земля?

Она послушно пошла за ним в кухню, хотя и опасалась переступить ее порог. Если в гостинной бардак, можно себе представить, что там!

На удивление, в кухне было чисто. И даже в раковине пу-
сто. Никакой тебе грязной посуды или стаканов. Мраморный
стол блестел. Пол тоже.

Заметив ее изумление, он грустно заметил:

– Здесь она еще успела убрать, а потом ушла.

– Кто? – Ей в сердце вдруг кольнуло ревностью. – Твоя
новая...

Он не дал ей договорить, перебил:

– Моя старая домработница, Люси. Новой пока не завел.
Не на что. А что касается земли, на которую позарился Ни-
кита, то тут ты в самую точку попала. – Он замер с кофейной
банкой в руке посреди кухни. И договорил, зловеще понизив
голос: – Земля та действительно со скверной историей.

– Да ладно! – Люси округлила глазки, взбираясь на высо-
кий табурет у барной стойки. – И что там за скверная исто-

рия?

– Не знаю. Честно не знаю, – приложил он покаянно руку к груди. – Но могу узнать, разумеется не бесплатно.

– Ну, ты и сволочь, Алекс. – Она даже рассмеялась. – В тебе погиб великий коммерсант. Почему не займешься?

– Вот начал. Уже! Прости, что тренироваться пришлось на тебе. – Он ловко орудовал возле кофейной машины, успев достать чашки с блюдцами и сахарницу. – Но данная тренировка позволила мне убедиться, что я что-то могу, Люси.

– А чего же тогда по телефону мне врал, что ничего не успел узнать?

– Я был не один. И это не девушка. Это человек, который... В общем, не важно, это тоже платно.

– Офигеть! – заняла Люсенька. – Может, ты еще и за кофе с меня деньги возьмешь?

– Кстати! – Он выпрямился, поморгал, переводя взгляд с кофейной машины на чашки, с чашек на стол, со стола на Люси. Потом рассмеялся. – Расслабься. Кофе бесплатно. Постоянному клиенту – бесплатно.

Люсенька кисло улыбнулась. То, что Алекс не воспринимал ее, как свою девушку, называя клиентом, ее немного печалило. Он мог бы еще стать нормальным, наверняка мог. И занялся бы чем-нибудь серьезным. Меньше чем за неделю нашел для нее столько информации. К его перевоспитанию только надо было приложить какие-то силы. Другой вопрос: были ли они у нее?

Он подал кофе, сел напротив. Пятна на несвежей футболке скрылись под столом. И смотреть на него стало намного приятнее.

– Итак... – Люсенька повозила чашкой по мраморному столу, рисуя невидимые узоры. – Никита Калинин, став преуспевающим и обеспеченным к двадцати пяти годам, решил построить дом на земле, которая давно уже была выставлена на продажу. Так?

– Так.

– У земли той была какая-то скверная история. Возможно, по этой причине ее и не могли так долго продать. Правильно я поняла?

– Возможно, – осторожно заметил Алекс.

– И его находят в этом месте мертвым. Связь? Да еще какая! И поэтому требуется что? – Люсенька оттопырила мизинчик. – Надо узнать, Алекс, что за история у той земли – раз. Не морщись, заплачу!

– Ок! – подхватил он и тоже оттопырил мизинец. – А что два?

– Надо как-то связать всех погибших людей в одну цепь, Алекс. Что могло их связывать друг с другом? Что могло их связывать с этой землей? Кира... Я до сих пор не могу понять, как она могла там оказаться?

– Что на этот счет думают в полиции?

– Они не находят связи. Оленька с ними говорила много раз. Один их тех, кто занимается этим делом, живет в ее до-

ме. У них нет никакой информации.

– Скажу тебе больше, Люси. – Алекс загадочно померцал глазами, принявшись по ее примеру рисовать чашкой невидимые узоры на своем столе. – О том, что Никита собирался купить эту землю, знают только три человека.

– Я, ты и продавец земли?

– Не угадала, Люси. – Три пальца, оттопыренные от сжато-го кулака, Алекс поднес ей к самому носу. – Об этом знают: я, продавец земли и бывшая жена Никиты. Больше об этом никому не известно, учти это.

Когда Люсенька выходила из подъезда Алекса и увидела возле своей машины странного незнакомого человека в дешевой одежде, она очень рассердилась, поторопилась и почти забыла о том, о чем думала за минуту до этого.

А думала она о том, что Алекс, чтобы сбить с нее денег, вполне мог наврать ей. Обо всем! И о Никите, ставшем преуспевающим и успешным. И о его планах купить землю, на которой погиб. И даже о его бывшей жене мог наврать. Потому что Никита совершенно точно не собирался жениться ни на ком. Ни на ком, кроме нее – Люсеньки.

Глава 6

– Что-нибудь удалось выяснить, майор?

Подполковник Рябов с заложенными за спиной руками стоял лицом к окну, демонстративно не повернувшись, когда он зашел. Все понятно. Вернулся с очередного совещания наверху в отвратительном настроении, теперь станет пытаться испортить настроение ему.

Ладно, пусть. Он не против.

– Не скажу, что в деле случился прорыв, товарищ подполковник, но кое-что удалось выяснить.

– Да? Ну, ну, поделись своим этим кое-чем. А то у меня час назад даже этого кое-чего не было. Мямлил, как стажер.

Вишняков мог поклясться, что слышит скрежет зубов Рябова.

– Первые поиски связи между погибшими, как я уже докладывал, ни к чему не привели. Все эти люди, по поступившей информации, никак не были связаны между собой. Не дружили, не работали вместе.

– А вторые?!

Рябов не просто повернулся, он сделал это в прыжке, как фигурист или балетмейстер. Вишняков, честное слово, чуть не заржал. Хорошо, сдержался. Иначе сгнил бы на дежурствах в выходные дни в ближайшие полгода. Уж Рябов бы постарался при составлении графика.

– Так что дали твои вторые поиски, майор?

Нет, ну точно скрипел зубами Рябов. Да четко так, громко.

– При более детальном изучении личностей погибших, а это, товарищ подполковник, очень кропотливая работа, – и он даже попытался миролюбиво улыбнуться, – всплыли факты, указывающие на то, что люди эти оказались не совсем посторонними друг другу. В частности, это касается погибших Калина и Новиковой.

– Что удалось выяснить? – не принял его улыбки Рябов и снова отвернулся к окну.

– Они состояли в отношениях.

– Как давно? Почему подруги об этом не знали? Откуда сведения? Ты ничего не подтасовываешь, майор? – Рябов покосился на него и добавил: – Доклад ради доклада мне не нужен, сам знаешь.

– Сведения тщательно проверены. Через полчаса у меня встреча с бывшей женой Калина.

– Это она сообщила тебе о любовной связи своего бывшего мужа и Новиковой? – скептически фыркнул Рябов.

– И она в том числе. Так же нами были проверены все телефонные переговоры и сообщения погибших. Эти двое очень часто созванивались и переписывались. Но с других телефонов, не с тех, которые были обнаружены при них. Текст сообщений не оставляет сомнений: они были любовниками.

– Так, уже неплохо. Что с остальными?

– Остальные между собой не общались, но... – Вишняков намеренно сделал паузу, дождался, когда Рябов насторожится, и сказал: – Но у каждого в мобильном обнаружилось странные звонки с одного и того же номера. У кого-то было по одному звонку. У кого-то по два, а то и по три, как, к примеру, у погибшего Калина.

– Установить, кто звонил, конечно же, не удалось?

– Почему? Удалось. Но вот тут начинаются странности.

– Докладывай! – проскрежетал Рыков.

– Сим карта зарегистрирована на некоего Кирилла Власова, двадцати шести лет от роду. Местный.

– Так найдите его. Притащите его сюда. Вытряхните из него все, что только можно!

– Ищем. Найти не можем. Да и не мог он звонить погибшим, к примеру, месяца два назад. И даже пять недель назад не мог он им звонить, а такие звонки есть во входящих у погибших.

– Как это?

– Сидел он, товарищ подполковник. Отбывал срок наказания. Был осужден шесть лет назад за соучастие в жестоком убийстве подростка.

– Ничего себе! Ничего себе!

Теперь поворот Рыкова показался ему плавным, почти вальсирующим, и он снова еле удержал в себе улыбку.

– И какой срок он получил?

– Шесть лет лишения свободы.

– За жестокое-то убийство? – усомнился Рыков.

– Его роль оказалась незначительной по материалам дела.

Стоял на «шухере», пока его компания измывалась над подростком. За это и получил шесть лет. Но! – Вишняков поднял вверх указательный палец. – Вины своей Власов так и не признал. И до последнего момента, пока суд не удалился на совещание, утверждал, что своих подельников не знает. Что увидел их впервые на очной ставке.

– А что подельники?

– А что они? Там наркоманы какие-то отмороженные, товарищ подполковник. Один из них даже до суда не дожил, умер в камере. Второй на зоне скончался.

– Выжил один Власов? – Рябов прошелся по кабинету и медленно, словно нехотя пошел к своему рабочему креслу за столом. – И когда точно вернулся? Попадает в подозреваемые?

– Так точно, товарищ подполковник. Он вернулся из мест заключения за неделю до убийства.

– Вот! Чего ждем?

– Он как сквозь землю провалился. Его родители утверждают, что он вернулся, сумку бросил, наелся, принял ванну, отоспался пару дней и исчез. По их утверждениям, он никому не звонил и ему никто не звонил.

– Родители! – недоверчиво фыркнул Рябов. – Неужели скажут: наш сын вернулся и снова взялся за старое?!

Вишняков промолчал.

Честно? Он не особенно верил в причастность Власова к убийству. Шесть лет тот провел на зоне строгого режима. И звонить оттуда не мог. Майор немного был знаком с порядками на той зоне. Там все было строго. Если и случались у кого-то какие-то телефонные звонки, то не с такой периодичностью, как они совершались с телефона Власова. К тому же родители уверяют, что сын телефон потерял еще до ареста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.